

ВЫХОДЫ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ ВЪ ЦЕРКОВЬ. СВ. СОФІИ ВЪ ПРАЗДНИКИ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И БОГОЯВЛЕНІЯ.

Въ Византіи идеалъ царя развился до высшей степени величія. Императоръ являлся какъ-бы представителемъ самаго Божества на землѣ. Будучи облеченъ безусловнымъ полновластіемъ въ отношеніи гражданскомъ, императоръ византійскій, какъ помазанникъ Божій и глава христіанскаго народа, былъ высшимъ авторитетомъ и въ дѣлахъ церковныхъ. При этой полнотѣ власти, въ идеѣ императора соединилась и безусловная широта власти—простирающаяся на весь христіанскій міръ. Замѣчательно, что даже въ то время, когда византійская имперія ограничивалась уже только немногими европейскими владѣніями, и тогда, къ XI и позднѣйшихъ вѣкахъ, греки раздѣляли убѣжденіе, что всѣ прочіе короли и владѣтели могли законно получать свою власть только отъ византійскаго императора, какъ единственнаго помазанника Божія ¹⁾. Самымъ нагляднымъ образомъ эта возвышенная идея царя представлялась взгляду византійца въ церемоніальныхъ выходахъ царя и особенно—въ торжественныхъ выходахъ его въ церковь св. Софіи въ нѣкоторые изъ великихъ праздниковъ. Мы для образца представляемъ здѣсь выходы византійскаго царя въ праздники Рождества Христова и Богоявле-

¹⁾ Іоаннъ Киньявъ по русск. переводу стр. 242—244.

ція, какъ описываетъ ихъ Константинъ Порфирородный въ книгѣ «De cerimoniis Aulae Byzantinae». Выходы эти вмѣстѣ съ церемониальною пышностію, изысканно блестящею обстановкою носили еще отпечатокъ какой то особенной священной торжественности; они наставляютъ впечатлѣніе, близко подходящее къ тому ощущенію, какое возбуждается въ душѣ предметами священными. При этихъ выходахъ особенно замѣчательны для насъ такъ называемыя «актологіи» какъ самыя живыя, вполне ясныя и опредѣленныя логическія выраженія возвышенной идеи царя примѣнительно къ празднуемымъ событіямъ. Въ этихъ актологіяхъ мы самымъ яснымъ образомъ можемъ видѣть, какое широкое развитіе въ византійскомъ сознаніи получилъ идеалъ царской власти.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ описанію выходовъ византійскихъ императоровъ въ церковь и къ изложенію при этомъ самаго содержанія праздничныхъ актологій, по нашему мнѣнію, необходимо рѣшить 1) что такое актологіи; 2) въ какихъ мѣстахъ онѣ отиралялись; 3) кѣмъ и какъ онѣ исполнялись, и наконецъ 4) въ какомъ видѣ византійскіе императоры совершали торжественные выходы въ церковь св. Софіи и являлись при этомъ для слушанія актологій.

1) Слово *ἄκτολογία* (отъ греч. λόγος и новогреч. ἄκτα) употребляемое византійскими историками то въ значеніи заявленій сочувствія или несочувствія, то въ значеніи прошеній императору, то иногда въ смыслѣ судебныхъ дѣлъ (аста лат.), протоколовъ, обвинительныхъ или защитительныхъ рѣчей, у Константина Порфиророднаго употребляется, какъ терминъ, — собственно для обозначенія тѣхъ торжественно радостныхъ возгласеній или привѣтствій (εὐφημιαί, acclamations), которыя, по требованію этикета византійскаго двора, должны были исполняться, по извѣстнымъ формуламъ, при появленіи императора въ общественныхъ собраніяхъ, какъ напр. при торжественныхъ выходахъ его въ великую церковь (въ церковь св. Софіи) въ

извѣстные великіе праздники, — при появленіи его въ циркъ и пр. Формулы такихъ народныхъ возгласеній или привѣтствій императору были разнообразны и составлялись примѣнительно къ каждому почти торжественному выходу императора и къ каждому торжественному случаю. Эти торжественныя привѣтствія обыкновенно соединялись съ нѣкоторыми особенными дѣйствіями и при исполненіи не лишены были нѣкотораго драматизма.

2) Въ какихъ мѣстахъ отправлялись актологіи? Большая часть мѣстъ, гдѣ отправлялись актологіи, находилась въ самомъ императорскомъ дворцѣ. Дворецъ, изъ котораго обыкновенно выходилъ императоръ въ церковь св. Софіи въ извѣстные великіе праздники, былъ *μεγὰ παλάτιον*, въ тѣ времена называвшійся *κονσταντινιάνον*, который стоялъ на берегу Пропонтиды, недалеко отъ Акрополя и Софійскаго храма и который византійскіе историки, для отличія отъ прочихъ дворцовъ, находившихся въ Константинополѣ, и имѣвшихъ особенныя названія, называютъ просто *παλάτιον* (Du Cang. Constant. Christian. p. 85). Онъ стоялъ на томъ же простирающемся вдоль Золотаго Рога холмѣ, на которомъ стоитъ и нынѣшній сераль, только былъ расположенъ не на сѣверъ отъ св. Софіи, какъ нынѣшній сераль, а на югъ. *Annal. archeologiq. 1861 г. t. XXI p. 171.*

Планъ этого большого дворца поражаетъ насъ своимъ расположеніемъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что этотъ дворецъ, какъ-бы по подражанію плану восточныхъ церквей, былъ обращенъ на востокъ. Но вмѣстѣ съ такимъ, быть можетъ и случайнымъ положеніемъ, замѣчательно то, что и расположение различныхъ частей этого дворца соотвѣтствовало расположенію и устройству византійскихъ церквей. Такъ при входѣ находился атриумъ или дворикъ, посрединѣ котораго возвышался фонтанъ, потомъ — эсонареникъ или наружный нареникъ, который назывался сигмою (Σ), по своему виду двойнаго С, затѣмъ — нареникъ, который назывался триконха, далѣе — цер-

ковная трапеза или трапезы, называемыя діабатика, потомъ — клиросъ, носящій названіе галлерей лавзіакъ; наконецъ какъ бы обширное святилище, великолѣпная восьмиугольная ротонда, гдѣ помѣщался тронъ императора, и которое называлось хризотриклиніемъ (Χρυσотρικλινιον золотое ложе ¹⁾). Это совпаденіе (только въ большихъ размѣрахъ) частей дворца съ частями, изъ которыхъ состоятъ церкви, не было случайно, — и едвали можно отрицать мнѣніе новѣйшихъ археологовъ ²⁾, что византійскіе императоры старались уподобить свой дворецъ собору.

Изъ главныхъ частей дворца — наиболѣе замѣчательною по своему великолѣпію былъ хризотриклиній. Эта тронная зала была самая богатая во всемъ дворцѣ, и золото, которымъ блистала она, вполне оправдывало ея назначеніе. Моделью для хризотриклинія Юстина II († 578), племянника Юстиніана, послужила, какъ говорить сооруженная послѣднимъ церковь св. Сергія и

¹⁾ При этомъ нужно намъ замѣтить, что подъ триклиніемъ (τρικλινος) у Констан. Багрянороднаго, какъ и у другихъ византійскихъ историковъ, вообще разумѣется не одна комната, или не одно какое нибудь отдѣленіе дворцоваго зданія, а нѣсколько зданій или покоевъ (обыкновенно три) κλίνη или στέγη, соединенныхъ одною кровлею. Такихъ зданій, представившихъ, какъ-бы особые дворцы въ маломъ видѣ, и называвшихся триклиніями, какъ увидимъ, было нѣсколько въ большомъ дворцѣ. Главный же триклиній, назначенный собственно для императорскаго жилья назывался золотымъ триклиніемъ (см. *Curs. compl. t. CXII de Cerem. aul. byzant. c. IV, not. 14*).

²⁾ Жюль Лабарга и Дидрона, сочиненіями которыхъ мы преимущественно пользовались при описаніи императорскаго дворца. Сочиненіе Лабарга подъ заглавіемъ «Palais imperial de Constantinople. изд. 1861 г. 4°» — большой томъ съ тремя рисунками, изъ которыхъ одинъ представляетъ восточную часть Константинополя въ настоящее время, другой — императорскаго дворца и его окрестностей, а третій — планъ въ большомъ размѣрѣ одного императорскаго дворца, какъ онъ устроенъ былъ во времена процвѣтанія Византіи. Статьи Дидрона (Didron) помѣщены въ *Annales Archeologiques t. XXI. 5 и 6. livr. 1861 г.*

Вакха. Это былъ осьмиугольникъ, у котораго каждая сторона заканчивалась полукруглымъ абсидомъ. Въ трехъ абсидахъ: западномъ, сѣверномъ и южномъ были двери, какъ порталы церквей; восточный абсидъ былъ занятъ трономъ императора, подобно тому, какъ въ церкви на этомъ мѣстѣ находится престолъ. Промежуточные абсиды были заняты гардеробною императора и вѣроятно здѣсь же было помѣщеніе для музыкантовъ и пѣвчихъ. По прилежащей къ сѣверовостоному придѣлу лѣстницѣ входили въ верхній этажъ, тутъ была галлерей, на которой помѣщалась императрица и придворныя дамы при церемоніяхъ. Надъ этой галлереей возвышался куполъ съ 16-ю окнами, по два на каждой сторонѣ осьмиугольника. Полъ хризотриклинія былъ возобновленъ въ X в. по рисунку Константина Багрянороднаго, императора-художника. Мозаика изъ мрамора и порфира различныхъ цвѣтовъ, представлявшая соединенія и переиленія во вкусѣ византійскомъ, вставлена была въ серебряную раму и имѣла по серединѣ широкую кругообразную плиту изъ порфира, какъ плиты, называемыя, омфаліонъ, какія теперь еще встрѣчаются во многихъ церквахъ въ Греціи и на Аѳонской горѣ ¹⁾. Большаго размѣра люстра, называемая пачикадило (polycandelon), была повѣшена въ серединѣ купола. Стѣны и своды хризотриклинія были украшены мозаикою по золотому полю, вѣроятно съ изображеніями сценъ и лицъ какъ изъ исторіи византійской, такъ и изъ исторіи священной и церковной ²⁾. Галлерей верхняго этажа на сѣверной сторонѣ хризотриклинія называлась галлереею *сорока святыхъ* безъ сомнѣнія потому, что была украшена мозаическими изображеніями сорока севастійскихъ мучениковъ, особенно чтившихся въ Константинополѣ. Западный абсидъ закрытъ былъ со стороны хризотриклинія занавѣсью Пангеона, какое названіе ука-

¹⁾ см. *Annales Archeolog.* t. XIII. 1857 г. Описаніе Иверскаго монастыря.

²⁾ Мнѣніе Любарта

зываетъ кажется на то, что рядъ святыхъ былъ представленъ на мозаикѣ въ этомъ придѣлѣ или на занавѣси, которою онъ былъ закрытъ. Юговосточный абсидъ оканчивался маленькою церковью во имя св. великомученика Феодора Тирона. Въ этомъ же абсидѣ, около этой церкви, посвященной святому ратоборцу, покровителю имперіи, сохранялись одежды императора и регалии имперіи: короны, церемоніальныя одежды и оружіе императора, а также и драгоценное оружіе придворныхъ чиновъ. Императоръ облачался обыкновенно въ церкви св. Феодора и передъ восшествіемъ на золотой тронъ, помѣщавшійся въ восточномъ абсидѣ, обращался къ изображенной надъ трономъ иконѣ І. Христа, представленнаго сѣдящимъ на престолѣ. Существующая еще до сихъ поръ мозаика надъ императорскимъ входомъ въ нарѣиксъ Софійскаго собора даетъ, по замѣчанію видѣвшихъ ее, нѣкоторое понятіе о томъ великолѣпномъ образѣ Спасителя, который былъ въ хризотриклиніи надъ трономъ императора. Хризотриклиній—эта обширная и великолѣпнѣйшая тронная зала—служилъ для большихъ пріемовъ, а также императоръ раздавалъ въ ней грамоты сановникамъ государства. Въ извѣстныхъ случаяхъ въ ней ставили золотой столъ и императоръ давалъ тамъ обѣдь. Въ X в. Константинъ Багрянородный принималъ въ ней сарацинскихъ посланниковъ и въ своей книгѣ «О церемоніяхъ византійскаго двора» описываетъ убранство по этому случаю такимъ образомъ: «въ восьми нишахъ хризотриклиніи развѣшаны были золотые вѣнцы, взятые изъ храма Пресвятой матери Божіей Фарской ¹⁾ и другихъ церквей дворца; различныя произведенія изъ эмали, взятые изъ сокровищницы; мантии императоровъ и императрицъ. На большомъ карнизѣ верхнихъ галлерей повѣшаны были большія серебряныя вазы и золотыя чаши (missoires) чеканной работы. На верху въ 16-ти окнахъ купола были повѣ-

¹⁾ Осѣдная церковь съ хризотриклиніемъ

шены маленькіе поддонники этихъ вазъ и чашъ, одинаково чеканенные. Въ восточномъ абсидѣ, гдѣ помѣщался тронъ, не было повѣшено ни одной эмалевой вещи, въ немъ не было другихъ украшеній, кромѣ знаменитыхъ золотыхъ вѣнцевъ. Въ другихъ абсидахъ были повѣшаны большія серебряныя люстры на серебряныхъ цѣпяхъ, взятые изъ храма св. Маріи Фарской. Три большія вазы были расположены надъ портьерой Пантеона въ западномъ абсидѣ. Шестъдесятъ два большихъ серебряныхъ подсвѣщника, взятые изъ новой Базилики Вас. Македонянина, были размѣщены во всемъ зданіи съ зажженными лампадами. Наконецъ вѣнецъ свѣта—паникадило блистало посреди купола противъ золотого трона. Когда все было такъ приготовлено, отворяли серебряныя двери, которыми запирался восточная абсидъ хризотриклинія; поднимали занавѣски, и тогда можно было видѣть императора, возсѣдавшего на своемъ золотомъ тронѣ, облеченнаго съ головы до ногъ въ золото и драгоценныя камни. Предъ нимъ падали ницъ въ то время, когда музыканты аритмоса и три или четыре органа исполняли «многолѣтіе (πολυχρονιον) въ честь монарха» ¹⁾. Такова была обстановка хризотриклинія.

Изъ хризотриклинія проходили серебряною дверью въ *Горологіонъ*. Горологіонъ или *Триптонъ*—это галлеи, которыя непосредственно предшествовали тропной залѣ и служили ей портикомъ или преддверіемъ. Горологіонъ назывался такъ по часамъ, которые были въ немъ помѣщены. Въ немъ находились еще четыре органа (два золотыхъ, которые назывались органами импе-

¹⁾ Подобный блескъ конечно могъ заставить императора считать себя болѣе, чѣмъ простымъ смертнымъ. И между тѣмъ царь—Константинъ Багрянородный выставилъ всю эту роскошь для принятія тѣхъ мусульманъ, которымъ предстояло ровно черезъ пять вѣковъ послѣ этого изгнать навсегда византійскихъ имперагоровъ, занять ихъ мѣсто и разорить всѣ ихъ несмѣныя богатства.

ратора и два серебряныхх ¹⁾, которые аккомпанировали хору, воспѣвавшему похвалы императору. Изъ Горологіона чрезъ три-клиній *Лавзіакъ* спускались въ галлеи называемыя *Діабатикою*, а изъ нее чрезъ серебряную дверь былъ входъ въ *триконху*. Триконха составляла собою полукружіе, котораго три свода или раковины простирались по его окружности. Это было подражаніе въ маломъ видѣ большимъ сводамъ собора св. Софіи. Стѣны три-конхи были украшены разноцвѣтнымъ мраморомъ, а сводъ былъ весь вызолоченный. Изъ триконхи, уподобляющейся пареиксу, трое дверей, изъ коихъ среднія были серебряныя, а двое боковыхъ мѣдныя съ разными орнаментами, вели къ тѣмъ преддверіямъ, въ которыхъ встрѣчается сходство съ эксонареиксомъ, и которыя назывались сигмой. На стѣнахъ сигмы были вырѣзаны изъ драгоцѣннаго мрамора стихи поэта Игнатія. Плафонъ или куполь поддерживался колоннами изъ фригійскаго мрамора. Въ срединѣ возвышался киворій на четырехъ колоннахъ изъ зеленого еессалійскаго мрамора, а посреди его находился золотой тронъ, гдѣ императоръ помѣщался во время игръ и церемоній, происходившихъ на площади фіала. Фіаломъ триконхи назывался фонтанъ съ мѣднымъ бассейномъ, серебряными краями; въ немъ заключалась золотая ваза въ видѣ раковины, которая наполнялась разными, смотря по времени года, плодами ²⁾. Изъ сигмы въ фіаль вела винтообразная лѣстница изъ бѣлаго проконезскаго

¹⁾ Во всѣхъ тронныхъ залахъ были органы, которые или играли одни, или аккомпанировали императорскимъ музыкантамъ, называвшимся людьми аритмоса (см. *De Cerem aul. bysant* с. 20. not 32

²⁾ Вотъ что объ этомъ говоритъ неизвѣстный историкъ: «въ среднѣй атріумъ, подъ открытымъ небомъ, есть мѣдный бассейнъ, края котораго украшены серебромъ, въ немъ заключается золотая раковина. Во время поспѣванія фісташекъ и миндаля, ими наполняютъ бассейнъ чрезъ отверстие въ раковинѣ и разные плоды предлагаютъ всѣмъ, кто тамъ находится». (*Antiq Const Anonymi* p. 385).

мрамора. Этотъ фіаль триконхи (трехъ раковинъ) служилъ площадью предъ преддверіемъ священнаго дворца. Выходя изъ большаго дворца далѣе отъ этого фіала, нужно было проходить чрезъ рядъ комнатъ, дворовъ и галлерей, составлявшихъ семь флигелей, которые примыкали къ дворцу въ собственномъ смыслѣ. Эти покои, дворы и галлерей составляли особенные дворцы, прозванные Дафни ¹⁾ и Халки. Одна изъ самыхъ значительныхъ залъ, раздѣлявшая Дафни отъ Халки, называлась триклиній или трибуналь девятнадцати ложъ. Это было очень высокое зданіе, великолѣпно украшенное; оно получило названіе отъ 19-ти столовъ, за которыми въ извѣстные церемоніальные дни, и особенно въ рождественскіе праздники, императоръ и его гости возлежали по древнему обычаю ²⁾.

¹⁾ Δαφνῆ—это названіе дано, какъ говоритъ Дидронъ, отъ статуи, привезенной изъ Рима для украшенія одной изъ галлерей этого дворца. А можетъ быть и многочисленныя лавровыя растенія, которыми можно было наполнить сады этой части дворца, дали названіе дворцу. По мнѣнію же комментатора «*de Ceremoniis aulae byzantinae. пае*» см. с. V. п. 45, такое названіе получилъ этотъ дворецъ отъ лавровыхъ вѣнковъ, которыми увѣнчивались побѣдители во время игръ, совершавшихся въ этой части дворца.

²⁾ Столовый приборъ, употребляемый на этихъ церемоніальныхъ обѣдахъ былъ неслыханнаго великолѣпія. Лютпрандъ, который былъ допущенъ въ «девятнадцать ложъ» къ обѣду императора, говоритъ: «приборъ столовый состоялъ исключительно изъ золотой посуды. Послѣ обѣда подавали фрукты въ трехъ золотыхъ вазахъ, которые по своей тяжести были привезены на повозкахъ, крытыхъ тканями пурпуроваго цвѣта. Двѣ изъ этихъ вазъ были поставлены на столъ слѣдующимъ образомъ: три веревки, обтянутыя золоченой кожей, спускались съ потолка чрезъ особыя отверстія; ихъ продѣвали въ золотыя кольца у ручекъ вазъ, и съ помощію четырехъ человѣкъ, стоявшихъ внизу, ихъ поднимали посредствомъ блока, устроеннаго надъ потолкомъ, а также и опускали на столъ».

На всѣхъ верхнихъ ступеняхъ, которыя вели изъ нижней части залы въ самую высшую, стояли двѣ большія серебряныя колонны съ привязанными къ нимъ заповѣсами, которыя опускались, когда императоръ передъ приѣмомъ падѣвалъ тамъ свои императорскія одежды. Тронъ былъ устроенъ въ этомъ мѣстѣ. Весь этотъ обширный триклиній былъ освѣщенъ сверху; сводъ, раздѣленный на восемь частей, передѣланный въ X в. по рисункамъ императора Константина Багрянороднаго, былъ украшенъ виноградными вѣтвями, кустами и листьями изъ мозаики по золотому полю. Изъ девятнадцати ложъ былъ выходъ черезъ длинную галерею, названную *Юстиніаносъ*, (была выстроена Юстиніаномъ II Ринотметомъ), которая была украшена мозаическими изображеніями святыхъ, подобно галлерей сорока мучениковъ.

Юстиніаносъ былъ вымощенъ драгоценнымъ мраморомъ, обдѣланнымъ поштучно, такъ что въ срединѣ каждой штуки была кругообразная плита изъ порфира, которую называли омфаліонъ. Юстиніаносъ выходилъ (на югъ) въ *великую консисторію*—мѣсто, гдѣ обыкновенно собирався государственный совѣтъ. Эта тронная зала представляла видъ амфитеатра, на аван-сценѣ котораго было устроено особое возвышеніе изъ порфира ¹⁾. Это круглое порфировое возвышеніе было окружено колоннами изъ драгоценнаго мрамора, надъ которыми возвышался навѣсъ (*καμαλαχιον*) въ видѣ полукруглаго свода. Въ центрѣ камелавкіона висѣло великолѣпное паникадило—подъ нимъ стоялъ тронъ императорскій. На высшую ступень этого амвона императоръ обыкновенно всходилъ, когда нужно было ему произносить рѣчь къ сенату, а также и во время церемональныхъ выходовъ въ церковь св. Софіи въ извѣстные великіе праздники—для слушанія поздравленій отъ лица сената. Предъ тремя дверьми консисторіи обыкновенно встрѣчалъ императора во время этихъ выходовъ придворный

¹⁾ βῆμαambo см. Du Cang. Ioss. Glatin. p. 88.

клирь съ крестомъ и еиміамомъ. Императоръ, приложившись, по обычаю, ко кресту, шествовалъ потомъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ обыкновенно дѣлались ему торжественныя общенародныя встрѣчи.

Приложившись здѣсь ко кресту, императоръ шествовалъ въ такъ называемый трибуналь или лихнѣ (Τριβανάλιον ἡγούν λυχνοι). У грековъ словомъ Τριβανάλιον вообще назывались мѣста (ζῆματα), на которыхъ поставлялись или sella curilis для трибуновъ, производившихъ судебныя дѣла, или возвышенія для высшихъ государственныхъ сановниковъ и преимущественно военачальниковъ, а также назывались трибуналами и тѣ возвышенныя зданія, въ которыхъ ставился тронъ (Θρόνος) для императора (De Cerim. Aul. Byzant. L. II, с. 331 см. с. 347) какъ напр. трибуналомъ назывался и триклиній девятнадцати ложъ. Но въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ, гдѣ совершалась первая общенародная встрѣча императору, у Константина Порфироднаго подъ названіемъ Τριβανάλιον разумѣется одна изъ залъ для императорской стражи,—та, которая находилась между триклиніемъ такъ называемыхъ схоляріевъ (σχολῶν) и экскубиторовъ (ἐξκουβίτων ¹). Эта зала получила названіе λυχνος (lychnos) или отъ люстры въ семь подсвѣчниковъ (ἐπτακάντηλον), гдѣ горѣли восковыя свѣчи предъ большимъ великолѣпнымъ серебрянымъ крестомъ, украшавшимъ нишу залы (см. Palais. impreg. p. 83 см. De Cerim. L. 1. с. 6. p. 119—120 varian. et. с. 7 not. 5), или, быть можетъ, отъ того, что здѣсь императора встрѣчали съ зажженными свѣчами (De Cerim. с. 8. not. 7). Въ этой залѣ (при входѣ) устроена была эстрада, на которой стоялъ тронъ. Императоръ, по обычаю, трижды поклонившись предъ крестомъ, съ крестообразно сложенными свѣтильниками въ рукахъ (De Cerim. L. 1. с. 7. Codin. с. V. p. 61), всходилъ на верхнюю ступень эстрады и елу-

¹ О нихъ намъ придется говорить въ третьемъ отдѣлѣ предварительной части сочиненія.

шалъ воспѣвавшіся въ честь его актологіи (De Cerim. с. VIII. not. 7).

Изъ трибунала далѣе императоръ выходилъ въ отдѣленія или длинные покои дворцовой стражи, носившей названіе схолъ. Такихъ отдѣленій или караульныхъ залъ, носившихъ тоже названіе схолъ, было пять ¹⁾. Императоръ останавливался собственно въ пятой схолѣ ²⁾ или около преддверія или на паперти храма св. апостоловъ. Изъ дверей пятой схолы императоръ выходилъ въ такъ называемую халку (χαλκή. chalcen). Нѣкогда халкою назывался въ Византіи дворецъ, (постройку котораго приписываютъ еще Константину В. vid. Antiquit. Const. Anonym. L. 1. p. 9), составлявшій съ южной стороны переднюю часть большого или главнаго дворца. Онъ получилъ такое названіе отъ бронзовыхъ двустворчатыхъ дверей, которыя вели изъ передней въ большіе, длинные покои, въ послѣдствіи обращенные въ императорскія караульныя залы. Но во времена Константина Багрянороднаго подъ халкою разумѣли уже собственно тотъ главный передній входъ въ большой императорскій дворецъ, который замыкался дверью, ведущею въ отдѣленія или триклиній схоларіевъ (Du Sang. Constantinop. Christ. p. 112—114). Своды халки, гдѣ останавливался императоръ, были украшены мозаикой, составившею великолѣпную декорацію при входѣ въ императорскій дворецъ. Между прочимъ здѣсь изображенъ былъ Велизарій, возвращающійся въ Константинополь съ своею арміею и представляющій Юстиніану и Θεодорѣ, окруженнымъ многочисленною свитою, плѣнныхъ царей, взятыхъ города и побѣжденных провинцій (Laburt. Pal. imperial. p. 61, 114). У двери халки возвышались статуи Зенона и Аріадны, далѣе—у *перипатоса* (прихода дворцоваго) возвышалась статуя императрицы Пульхеріи,

¹⁾ De Cerim. с. VI. not. 66.

²⁾ Ibid. p. 76.

внучки Феодосія Великаго, а надъ бронзовою дверью (χαλκή πύλη) красовалась величественнѣйшая статуя Христа (Antiq. Const. L. 1. p. 9. Anonum. p. 1).

По выходѣ изъ халки императоръ останавливается еще вѣтъ великой двери халки (ἔξωθεν τῆς χαλκῆς) или въ преддверіи халки, соотвѣтствовавшемъ атріуму или вѣтшему портику церкви, изъ котораго выходили уже на площадь, простиравшуюся передъ главнымъ входомъ во дворецъ, и называвшуюся *форумъ Августеонъ*. По серединѣ площади Августеона былъ устроенъ *Милліарій* (верстовой столбъ), центръ отправленія по вѣтмъ дорогамъ имперіи. Этотъ милліарій былъ устроенъ въ родѣ часовни или четырехугольной триумфальной арки; вѣтъ его стороны состояли изъ сквозныхъ аркадъ. По серединѣ милліарія возвышался большой крестъ, по правую сторону креста поставлена была статуя Константина, а по лѣвую св. Елены, обращенныя на Востокъ или къ Іерусалиму. На западной сторонѣ площади находилась подобная же группа—крестъ съ статуями, по сторонамъ его—Константина и Елены. Съ восточной стороны площади, на колоннѣ изъ порфира, помѣщалась античная статуя Аполлона, которую Константинъ назвалъ своимъ именемъ, замѣнивъ голову этого бога свѣта изображеніемъ своей собственной головы, и вообще придавъ ей свой типъ, какъ онъ изображается на монетахъ; съ скипетромъ въ правой рукѣ, и державою въ лѣвой. Сенатъ, смежный съ церковью св. Маріи Халкопатрійской былъ съ восточной стороны, а часовня Богородицы и часовня Константина были на западной сторонѣ милліарія. Часовня св. Іоанна евангелиста была выстроена подлѣ милліарія на мѣстѣ, которое называлось *Диппионъ*, отъ двухъ лошадиныхъ статуй, поставленныхъ Фокой. Наконецъ противъ сената возвышалась колоссальная бронзовая конная статуя императора Юстиніана—колоссальная до того, что одинъ пьедесталъ ея, выложенный бронзою, возвышался на 30 метровъ. Императоръ, говоритъ Прокопій, изображенъ въ костюмѣ

Ахиллеса; его полусапожки не закрываютъ пятокъ; броня его-- броня Ахиллесова, голова покрыта щемомъ, лице обращено на востокъ, какъ будго онъ собирается идти противъ Персовъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ шаръ, а правую протягиваетъ на востокъ, какъ бы повелѣвая варварамъ не выходить изъ своихъ границъ. Отъ этой-то замѣчательной статуи, называвшейся (Achillis) Ἀχιλλεύς, получили названіе (Αχιλλεύς) и находившіяся невдалекѣ отъ Халки и св. Софіи бани или теплицы (Balneum zeuxippi,) построенныя Зевксиномъ (Du Cang. Constantinop. Christ. p. 88 сн. De Topograph. Petr. Gylli L. II. p. 343). По словамъ Кедрина, это были фантастично-очаровательныя галереи plasticaго искусства. Тамъ были статуи всѣхъ замѣчательныхъ мужей древности: мудрецовъ, поэтовъ, ораторовъ, художниковъ и полководцевъ, которымъ, говорить Кедринъ, недоставало только душъ (Antiquit. Const. t. 1. De Topograph. Const. L. II. с. VII)—Эти то теплицы или бани Зевкиспа, разукрашенныя великолѣпными и разнообразными статуями, и разумѣются у Константина Багрянороднаго подъ названіемъ Ἀχιλλεύς (De Cerim. p. 211, not. 47).

Отъ такъ называемаго, Ахиллеса императоръ переходилъ уже въ предѣлы св. Софіи и останавливался въ орологіѣ софійскомъ.—Орологіемъ же (ὀρολόγιος) у грековъ называли то зданіе (обыкновенно круглое и возвышенное въ родѣ башни ἄπαις, въ которомъ на виду находились боевыя часы ¹⁾). Объ орологіѣ,

¹⁾ Комментаръ «De ceremoniis Aulae Byzantinae» впрочемъ сомнѣвается въ томъ, чтобы у грековъ уже въ X вѣкѣ были въ употребленіи такіе часы, какіе у насъ иногда помѣщаются въ церковныхъ колокольняхъ, и допускаетъ, что греки въ своихъ орологіяхъ могли укладывать и простыя бревна (называвшіяся σιμάντρα) такъ, что при посредствѣ известнаго механическаго движенія можно было возвѣщать нмъ время (см. Curs. Complet. t. CXIII. De Cerim. Aul. Byzan. L. 1. с. 272 not. 55) Мы конечно не можемъ оспаривать этого мнѣнія, а только замѣтимъ, что изъ одного мѣста Anthologiae Graecae (см. L. IV. с. V въ концѣ) извѣстно, что еще въ

находившемся не подалеку отъ храма св. Софiи, упоминаютъ Θεοφάνη, Κεδρινῆ и др. (См. Du Cang. Constant. Christian. I. III p. 64). По словамъ Кодина, этотъ орологiй иначе назывался Βαπττήζήρα, потому что въ немъ (въ основанiи его) находился храмъ Иоанна Крестителя; по замѣчанiю же Зальценберга, онъ находился въ Августеонѣ (forum Avgusteon) на югѣ отъ Софiйскаго храма (см. Christlich. Baudenkmal. von Constant. Salzenberg. fol. 18). — Но этотъ орологiй собственно назывался, или ὠρολόγιον τῆς Ἀγίας Σοφίας Προδρόμου, или же ὠρολόγιον τῆς Ἀγίας Σοφίας (Du Cang. Constant. Christian. p. 63), потому что онъ помѣщался между сводами Милiона ¹⁾. А Константинъ Порфирородный называетъ орологiй, въ которомъ останавливался императоръ, во время выходъ въ церковь, ὠρολόγιον τῆς Ἀγίας Σοφίας. Подъ этимъ названiемъ у него вѣроятно разумѣется та колокольная башня, возвышавшаяся предъ входомъ въ храмъ св. Софiи, гдѣ обыкновенно обозначалось время собранiя вѣрующихъ къ церкви и входа ихъ во храмъ, а такъ же время начала и конца разныхъ частей богослуженiя. — По крайней мѣрѣ извѣстно, что тѣ внѣшнiя ворота (exterma porta), которыя вели въ преддверiе храма св. Софiи и у которыхъ обыкновенно ожидали надлежащаго времени входа въ самый храмъ, назывались πύλη ὠραίας (De Cerim. Aul. Byzant. с. 9. not. 25). А возвышавшуюся, быть можетъ, надъ ними башню, гдѣ обозначалось это время, вѣроятно, называли ὠρολόγιον τῆς Σοφίας. Но точнаго указанiя на это нѣтъ ни у Дюканжа въ «Constantinopolis Christiana», ни у Бандурiя въ «Antiquites Constantinopolis», ни наконецъ у Павла Силенциарiя въ «Descriptio S. Sophiae».

VI в. были у грековъ такiе орологiи, въ которыхъ на мѣдныхъ таблицахъ были обозначаемы всѣ двѣнадцать часовъ и возвѣщались обыкновенно въ теченiя дня двѣнадцатикратнымъ колокольнымъ звономъ.

¹⁾ О милiонѣ см. 1 кн. Ник. Хониата стр. 332.

Изъ орологія главный ходъ къ эксонареиксу или паперти церковной былъ чрезъ открытыя галлеи, стѣны которыхъ, по словамъ Зальценберга, разукрашены были разными мозаическими картинами (Christlich. Baudenkmal. von Constantinop. fol. 17); а императоръ останавливался уже за папертью, предъ самымъ нарѣиксомъ или притворомъ, — въ томъ мѣстѣ, гдѣ паходился, по словамъ Константина Порфиророднаго, ἅγιον φρέαρ (лат. puteum священное водохранилище или кладязь). Какое же водохранилище разумѣется у Константина Порфиророднаго? Одно (φιάλη) паходилось по срединѣ атриума, (какъ видно изъ Eucholog. Graec. p. 449, — 463, гдѣ упоминается φιάλη μεσιόλου τῆς ἐκκλησίας (Σοφίας)... и λουτήρ μεσιόλου), но его греки обыкновенно называли ἀγία πηγή (лат. fons фонтанъ или источникъ). Изъ него-то истекали тѣ двенадцать ручьевъ живой воды, которые, проходя чрезъ пасти двенадцати мраморныхъ львовъ, паполняли двенадцать водоемовъ (putei) или кладезей, находившихся въ двенадцати портникахъ, окружавшихъ фіаль (vid. Paul. Silentiar. Descript. Sanc. Soph. p. 538). Водой изъ этихъ кладезей вѣрующіе омывали обыкновенно ноги, руки и лице, прежде чѣмъ приступали ко храму (ibid. p. 539); потому что непозволительнымъ почиталось, какъ говорить Евсевій (Histor. Eccles. L. X, c. IV), ἀνάγκοις καὶ ἀνίπτοις ποτὶ τῶν ἔντων ἐπιρένῃν ἀγίων... По кромѣ этихъ кладезей, называвшихся просто φρέατα, былъ еще ἅγιον φρέαρ въ самомъ преддверіи нарѣикса, называвшемся vestibulum ecclesiae (см. De cerim. aul. Byzant. c. II. not. 62). Это преддверіе (vorhallen Narthex), служившее нижнимъ портикомъ храма (см. Du Cang, Constant. Christian. L. III. p. 21), по замѣчанію Зальценберга, сохранилось со времени процвѣтанія Византіи и до нынѣ, хотя и не во всей своей цѣлости (см. Baudenkmal. von Constant. fol. 17 cum Blatt. XIII). Святой же кладязь, заключавшійся въ немъ, служилъ вмѣстилищемъ всѣхъ ручьевъ священнаго фонтана, какъ бы всей живой воды, которая изъ него уже

изливалась въ великое водохранилище, заключающееся въ основаніи св. Софїи (см. Ansel. Bandur. t. XXXII. p. 747). Водой святаго кладязя, которая предварительно благословлялась, вѣрные христіане, предъ входомъ въ самый уже храмъ, омывали лице, или по крайней мѣрѣ глаза, которыя, по тогдашнему византійскому миѣнію, особенно должны быть чисты у готовящихся предстать предъ величество самаго Бога въ храмъ (Antiquit. Constantin. L. IV. p. 764). Надъ этимъ-то св. колодцемъ нѣкогда красовался слѣдующій глубоко-назидательный, замѣчательно-искусно составленный стихъ (retrogradus): ΝΙΨΟΝ ΑΝΟΜΙΜΑΤΑ ΜΗ ΜΟΝΑΝΟΨΙΝ ¹⁾ (ibid). У этого же колодца устроена была не-

¹⁾ «Омывай согрѣшенія, а не только лице». И по вѣрѣ тогдашнихъ христіанъ, вода святаго кладязя—ἀγιασμα (въ нашихъ старыхъ «потребникахъ» напечат. ГΑΙΑЗМА), освящавшаяся и благословлявшаяся обыкновенно два раза (въ навечеріи и на литургіи) во время праздника сакрогоμ Theophaniogum (букв. «святыхъ богоявленій» въ нашихъ старыхъ «потребникахъ»), служила во очищеніе не только тѣла, но и души—ἱερατικὸν ψυχῶν καὶ σωμάτων, какъ говорится въ Eucholog. graecae—была λυτήριον ἀμαρτιῶν... Всѣ вѣрующіе, по словамъ св. Іоанна Златоуста (см. Orat. de Bapt. Christ.), въ Богоявленія (Epirhaniae), когда крестился Христось и освятилъ естество водѣ, около полуночи почерпали въ сосудцы эту воду, приносили въ дома свои и благоговѣнно сохраняли ее въ продолженіи года.... При этомъ, замѣчаетъ Златоустъ, совершалось нѣчто дивное. Эта священная вода нисколько не мутилась и не портилась; находясь въ домахъ благочестивыхъ христіанъ иногда два и три года, она была такъ же невредима, какъ и нынѣ почерпнутая (vid. Du Cang. Constantinop. Christ. L. III. p. 15). Это благоговѣніе къ богоявленской водѣ изъ Византіи перешло и къ намъ; такъ что въ Потребникѣ 1606 г. изд. въ Стрятинѣ, есть цѣлое «послѣдованіе о причащеніи св. богоявленской воды—ГΑΙΑЗМЫ», и повелѣвается пріобщиться ей только тогда, когда почему либудъ невозможно пріобщиться св. таинъ; въ «заповѣдяхъ св. отецъ» повелѣвается принимать ее женѣ-родильницѣ въ первые восемь дней послѣ родовъ. А въ Требникѣ П. Могила изд.

большая палатка или закрытая покровами эстрада, на которой ставился тронъ для императора. Здѣсь, предъ входомъ въ храмъ императоръ слагалъ съ головы вѣнецъ и снималъ мантию, а по выходѣ изъ храма тутъ же патріархъ опять налагалъ ему на голову вѣнецъ, а евиухи (веститоры) одѣвали его въ мантию: въ то время императоръ возсѣдалъ на тронъ, закрытый отъ народа завѣсою, и слушалъ воспѣвавшіеся въ честь его на паперти актологіи. Замѣчательно, что величественная декорація здѣсь вполне соответствовала совершавшемуся дѣйствию, о которомъ упоминаетъ Константинъ Морфироводный, при описаніи праздничныхъ выходовъ императора въ церковь св. Софіи.—Всѣ четыре стороны сводовъ той палатки, гдѣ возвышалась занавѣшенная эстрада, по словамъ Зальценберга, украшаются четырьмя сіяющими ликами ангеловъ самой искусной мозаической работы, которые своими поднятыми вверхъ руками несутъ съ небесной выси *calotte* (см. Christlich. Baudenkmal. fol. 19), какъ бы, ту корону (или собственно вѣнецъ), которую возлагалъ тамъ же патріархъ на голову императора.

Далѣе изъ той палатки (*Capelle*, какъ называется ее Зальценбергъ), которая заключалась въ квадратной площадкѣ въ юго-восточномъ придѣлѣ крещальни (см. Baudenkmal christl. Blatt VII), у святаго кладязя передъ нарѣиксомъ, бронзовая дверь, съ надписью *Μιχαὴλ Νικητωρ*, открывала путь въ возвышавшійся на сорокъ ступеней нарѣиксъ (*ibid.* fol. 18). Надъ императорскимъ входомъ въ нарѣиксъ уцѣлѣла еще и до сихъ поръ мозаика, великолѣпно представлявшая нѣкогда видъ колѣнопреклоненнаго

1644 года, есть немало сказаній о чудесахъ, совершавшихся надъ ней въ нашей преимущественно южно-русской странѣ. Теперь же вода святаго колодца въ Византіи служить просто только для утоленія жажды разоряющихся во время молитвы мусульманъ (*vid.* Anselm. Bandur. Antiquit. Const. p. 762 explic. Renvois Lit. С. сн. p. 764).

императора предъ Спасителемъ. Иисусъ Христосъ изображенъ здѣсь съ открытыми сандалями, съ золотымъ сіяніемъ; онъ благословляетъ правою рукою, по восточному обычаю, и держитъ въ лѣвой рукѣ бѣлую книгу, на которой изображено слѣдующее:

✠ Е І Р	Е І М І
Н Н Н	Т О Ф
Υ Μ Ι Ν	Ω Σ Τ Ο Υ
Ε Γ Ω	Κ Ο Σ Μ Ο Υ

Миръ вамъ; Азъ есмь Свѣтъ міра

Какъ бы въ соотвѣтствіе этой подписи Иисусъ Христосъ представленъ одѣтымъ въ серебряную нижнюю одежду съ золотыми полосами и въ серебряную мантию, какъ Господь свѣта, возсѣдающій на богатѣйшемъ престолѣ. По правую сторону Иисуса Христа въ медальонѣ—поясной образъ Богородицы въ голубой одеждѣ съ распростертыми объятіями къ Спасителю. На лѣвую сторону тоже въ медальонѣ находится поясное изображеніе архангела Гавріила съ красными крыльями, въ бѣлой одеждѣ со скипетромъ краснымъ и голубымъ въ лѣвой рукѣ. У ногъ Иисуса Христа Юстиніанъ изображенъ распростертымъ ницъ, въ серебряномъ плащѣ сверху голубой одежды, шитой золотомъ, съ красными и золотыми наплечниками. Его ноги въ свѣтлопалевыхъ башмакахъ; на головѣ корона изъ жемчуга, по красному полю; сверху надъ головой золотой крестъ, а вокругъ головы золотое сіяніе (см. *Altchristliche Baudenkmale von Constantinop. Salzenberg*, гдѣ представлена эта прекрасная и весьма интересная, мозаика ¹⁾).

У Зальценберга эта хромолитографія замѣчательно выполнена; но надо замѣтить, что маленькіе кубики, изъ которыхъ составлено это мозаическое изображеніе, не выставлены на снимкѣ; въ этомъ состоитъ главный недостатокъ всѣхъ мозаикъ, которыя г. Зальценбергъ скопировалъ въ своемъ большомъ сочиненіи: «о христіанской

Изъ нарёнка или притвора императоръ входилъ въ самый храмъ серебряною дверью, которая носила названіе царскихъ вратъ (πύλαι Βασιλικαί).

Вотъ тотъ путь, по которому обыкновенно императоръ выходилъ изъ дворца въ церковь св. Софіи въ извѣстные великіе праздники. При возвращеніи изъ храма онъ совершалъ торжественное шествіе тѣмъ же самымъ путемъ и оставался для слушанія актологій въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя мы очертили.

3). Лица, которыя, во время этихъ торжественныхъ выходовъ императора въ церковь, исполняли актологіи, были слѣдующія: а) кракты; б) димы; г) domestici или демократы и наконецъ д) димархи.

а) Кракты въ греч. подлин. κράκται это собственно провозглашагели (запѣвалы clamatores), предназначавшіе народныя возгласенія или привѣтствія императору во время его торжественныхъ выходовъ. — Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ пѣвчими-церковниками, называвшимися псалтами (ψαλταί); первые не были clerici ordinati, какъ выражается комментаторъ Константина Порфиророднаго, не принадлежали къ церковному клиру, хотя и причислялись къ извѣстнымъ храмамъ и получали свои особыя названія отъ тѣхъ храмовъ. Неизвѣстно въ точности, многіе ли храмы въ Константинополѣ имѣли такихъ приписныхъ (extraordinaires, пѣвцевъ (κράκταιν). Изъ Дюканжа видно только, что не всѣ имѣли ихъ, а только главные (vid. Glossar. Latinit. voc.

архитектурѣ въ Константинополѣ». Для насъ это изображеніе особенно важно, какъ древній памятникъ, наглядно представляющій первоначальный типъ византійскаго императора, значительно отличный отъ того типа, который создавался въ послѣдствіи и успѣлъ уже сформироваться, какъ увидимъ, ко времени Константина Порфиророднаго.

Cantores); въ «De cerimoniis aulae Byzantinae» упоминаются только ἀγιοσοφῖται и ἀποστολῖται κράχται (напр. см. I. II. с. 334 р. 1078), игравшіе очень видную роль во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ. И нужно замѣтить, что при выходахъ императора въ церковь св. Софiи, въ тѣхъ встрѣчахъ, которыя совершались внутри дворца, подъ названіемъ κράχται разумѣются собственно ἀποστολῖται т. е. пѣвчіе храма св. апостоловъ, а при встрѣчахъ внѣ дворца—αγιοσοφῖται приписные къ храму св. Софiи.—Тактика и модуляція пѣнія *крактовъ* совершенно подходила къ образцамъ обыкновеннаго тогда въ церкви пѣнія *псалмистами* (см. Du Sang. Glossar. Latin. Psalm.) или канонархами (κανοναρχαί) нѣкоторыхъ св. пѣснопѣиій какъ напр. Τρισάγιον. προκείμενα, προψάλλματα т. е. молитвенныя воззванія, которыя пѣлись предъ чтеніемъ псалмовъ, ρηματικὰ т. е. молитвенныя воззванія и св. гимны, пѣтые во время малаго входа, и наконецъ προέλευσις—то, что поется во время великаго входа. Псалмисты, стоя на амвонѣ (vid. 13 can. Concil. Laodic.), провозглашали народу въ церкви упомянутые божественныя гимны (θεῖοι ὕμνοι), которые онъ повторялъ, или цѣликомъ, или только конечныя припѣвы, или же наконецъ, когда одинъ канонархъ провозглашалъ иную подходящую стихиру, народъ подпѣвалъ начало или конецъ изъ прежде воспѣтыхъ пѣсней. Точно такъ же и кракты (laici cantores), внѣ церкви, стоя на извѣстныхъ возвышеніяхъ при каждой группѣ или дружинѣ народа, провозглашали ему, по извѣстнымъ формуламъ, и по извѣстному гласу, поздравленія, благожеланія и гимны въ честь императора, во многомъ напоминающіе стихиры церковныя (Joan. Cantacuz. р. 123). Такъ упоминаемые Константиномъ Багрянороднымъ въ «De cerimoniis» κράχται, во время торжественныхъ выходовъ императора въ церковь, внѣ церкви играли ту же роль, какую псалмисты—во время церковнаго богослуженія въ церкви (Du Sang. Glossar. Latin.). Они составляли вмѣстѣ съ димами какъ бы одинъ грандіозный народный хоръ, воспѣвавшій *ria vota*,

по образцу и въ духѣ церковныхъ пѣснопѣній, величіе власти царя (σεαγ Αυτοκράτωρ) Византіи.

б) Но кто же были эти димы? Это существовавшія нѣкогда въ Византіи знаменитыя общественныя партіи или дружины, такъ называемыя *χρομάται δημόται* (Niceph. p. 215), состязавшіяся между собою за пальму первенства въ различныхъ (преимущественно въ конскихъ ристаніяхъ въ константинопольскомъ ипподромѣ) общественныхъ играхъ. (Codin. De offic. c. VI p. 86). Эти народныя дружины (*δήμοι, δημόται*),¹ игравшія очень видную роль во всѣхъ церемоніяхъ византійскаго двора и между прочимъ во время торжественныхъ выходовъ императора въ церковь св. Софійи, у насъ еще никѣмъ не разъяснены и, кажется, смѣшиваются съ простыми толпами черни (см. примѣч. 199 стр. Ник. Григоры). Поэтому мы нѣсколько болѣе остановимъ свое вниманіе на нихъ. Эти димы (*δήμοι, factionales gregales*) или дружины народныя слѣдуетъ отличать съ одной стороны отъ *δημοι τε λαῶ*—праздношатающейся толпы и бездомной черни (*ῥχλος*—*plebs*), а съ другой, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ византійскихъ историковъ (см. напр. Cedren. p. 765, а такъ же и Theoph. p. 62, гдѣ они соединяютъ *τὸν δῆμον, τοὺς δῆμονες* и *τοὺς πολιτάς λαόν*), не слѣдуетъ смѣшивать ихъ и съ *τοὺς πολιτάς*—обыкновенными гражданами или горожанами. Въ «*De cerimoniis aulae Byzantinae*» ясно различаются *τὰ μέρη δῆμων* отъ *τῶν τῆς πόλεως μέρων* (см. p. 132, 145) и *τὰ μέρη* отъ *τῶν πολιτῶν* (p. 356). Еще яснѣе Никифоръ отличаетъ общины (*factionales*) отъ гражданъ (*cives, oppidani*) Niceph. p. 215) Изъ всѣхъ этихъ и другихъ, относящихся къ этому предмету, указаній византійскихъ историковъ можно вывести то, что эти народныя партіи или дружины (*δήμοι*) были не тоже, что простые граждане, но однакожъ и не были совершенно обособлены (изолированы) отъ нихъ. Онѣ состояли изъ гражданъ (*volontaires*) всѣхъ званій и состояній и однакожъ по своему корпоративному устройству (организациі), обязанностямъ,

правамъ и виѣшнему виду онѣ отличались отъ всѣхъ прочихъ, не входившихъ въ ихъ составъ, гражданъ: составляли нѣкоторымъ образомъ особый народъ (*δημος*, *populus*, а не *plebs*), имѣя особенные уставы и свой особый магистратъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ «*De cerimoniis*» Константина Порфиророднаго. И хотя члены ихъ не отрывались совершенно ни отъ своихъ домовъ, ни отъ обыденныхъ домашнихъ своихъ занятій, но, подчиняясь своей особенной дисциплинѣ, они въ опредѣленные времена выполняли и свои особенныя обязанности (упражнялись въ бросаніи копій, въ метаніи стрѣлъ изъ лука и проч.), сближавшія ихъ болѣе съ когортами милицій, чѣмъ со всѣми другими общинами гражданскими.

Главныхъ народныхъ дружинъ (*δημων*) было двѣ, къ которымъ въ видѣ дополнительныхъ партій присоединялись еще двѣ, всѣхъ же четыре. Онѣ различались между собою по цвѣту платья, отъ котораго и получили свои названія: *Βασιτων* (голубыхъ) *Πρασινων* (зеленыхъ), *Λευκων* (бѣлыхъ) *Ρουσιων* (красныхъ). Отборные отряды главныхъ изъ этихъ партій, состоявшіе, вѣроятно, изъ почетныхъ юношей жили при самомъ императорскомъ дворцѣ, какъ закономъ установленные, по словамъ Комментатора «*De Cerimoniis aulae Byzantinae*»,—императорскіе паразиты, воспѣвавшіе, какъ бы гласомъ всего народа, похвалы императору подъ аккомпаниманъ особенныхъ серебряныхъ (носившихъ названія партій) органовъ при всѣхъ вообще выходахъ его въ общественныя собранія (*Codin De offic. c. VI sn. De Cerimon. c. IV, not. 20* и *Ducang. Glossar. Latin*). Цвѣта и названія ихъ перешли въ Константинополь, по словамъ Кодина, вмѣстѣ съ цирковыми играми изъ Рима (*De offic. p. 86*), а пачало скрывается въ старинныхъ муниципіяхъ (*Procop. Anecdota Hist. p. 129*). О нихъ упоминаютъ Светоній и Ювеналъ, но подробнѣе и отчетливѣе всѣхъ описалъ ихъ Тома (Thomas) Патрицій Грекъ въ своей «*Antholog. graec. epigrammat. ud*». L. V. Въ Византіи онѣ перво-

начально служили, кажется, и для особенныхъ нуждъ общественныхъ, какъ видно изъ Кодина, который говоритъ, что Θεοδοσίη Младшій неимовѣрно скоро возстановилъ разрушенныя городскія стѣны только стараніями двухъ общинъ Венетовъ и Прасиновъ; (Дюканжа «Constantinop. Christian.» 1. 15 т. IV, а также у Theophan. p. 235, гдѣ говорится, что за отсутствіемъ милицій *δημοι* охраняли городъ и стѣны городскія); употребляемы были иногда и для воинскихъ цѣлей (см. Cedren. 386). Но потомъ уже со времени Зенона, по словамъ Кодина, этотъ (*populus*) *δῆμος*, раздѣленный на партіи, за одно съ состязавшимися въ Гипподромѣ общинами (*gregules, circenses*) заявлялъ себя преимущественно разбоями, волненіями, взаимными, доходившими иногда до кровопролитія, спорами и пр. (De offic. interpr. с. VI, сн. Procop. Anecdota Hist. p. 31 et seqq.). Иногда эти дружины народныя, увлекшись конскими скачками и взаимными потомъ спорами (*certumines*), относились непочтительно даже къ самой власти императора. Вотъ какъ объясняетъ это вкороткѣ Вальсамонъ (in 24 Can. Trullun. Hist.): πολλὰ στασιώδη καὶ ἄτοπα συνέπιπτον γίνεσθαι κατὰ τὸν τῆς ἵπποδρομίας καίρον, τῶν μὲν προστιθεμένων τῷ δῆμῳ τῶν Βενέτων, τῶν δὲ τῷ μέρει τῶν πρασίνων, ἐν καιροῖς δὲ τισὶ καὶ πόλεμοι συνεχροτήθησαν ἐμφύλιοι μέσον ἀντιθέτων μερῶν, καὶ κατὰ τῆς βασιλείας περιωπῆς ἀνεδῆ ῥήματα οἱ δημότα, ἀπирέυξαντο.... Но, причисленные *de jure*) къ придворнымъ милиціямъ, всѣ эти народныя партіи, во времени торжественныхъ выходовъ императора, обыкновенно собирались, съ самыхъ даже отдаленныхъ предмѣстій Константинополя, къ мѣсту процессіи и располагались во фронтъ вмѣстѣ съ церемоніальными милиціями придворной императорской стражи. Онѣ при этомъ были съ вѣнчиками (*coronulae*) на головахъ, въ круглыхъ небольшихъ щитахъ, какъ видно изъ Луитпранда, съ простыми пиками и каждая партія съ знаменемъ своего цвѣта (Codin. с. VI, p. 87. Сн. De serimon. aul. Byzant. с. IV, not. 21). Стоя подъ верховнымъ надзоромъ и управленіемъ

Димократовъ или Доместиковъ, во время самого церемоніальнаго шествія императора, возглашали ему поздравленія и благожеланія, какъ бы, отъ лица всего вѣрноподаданнаго народа (De Cerim. aul. Byzant. с. IV, not. 20):

г) Димократы же, по коренному значенію самого названія, это—главные правители (tribuni), начальники или предводители цвѣтныхъ, народныхъ дружинъ (димъ). Но не нужно смѣшивать ихъ съ Димархами (δημαρχοι) таѣ же, по этимології, начальниками димъ, хотя Кодишь и называетъ ихъ одинаково ἄρχοντες τῶν δήμων (De offic. interprh. с. VI). Димократы, по достоинству и власти, были выше Димарховъ (De Cerim. aul. Byzant. с. IV, not. 20). Но ни Кодишь въ спискѣ придворныхъ должностей, ни Константинъ Порфирородный въ перечисленіи чиновъ (De Cerim. aul. Byzant. L, II, с. 410 et seq.) не упоминаютъ нарочито о чинѣ димократа. И это вѣроятно потому, что этотъ почетный привизантійскомъ дворѣ титулъ, а вмѣстѣ съ нимъ и должность, присоединялись обыкновенно, какъ нѣчто прибавочное, къ званію Доместиковъ церемоніальныхъ милицій придворной императорской стражи. По числу главныхъ цвѣтныхъ партій или димъ и димократовъ были два: димократъ Венетовъ и димократъ Прасиновъ. Димократомъ Венетовъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ «De Cerimoniis aulae Byzantinae». всегда бывалъ Доместикъ схолъ, а димократомъ Прасиновъ Доместикъ экскубиторовъ.

Доместиками первоначально у римлянъ назывались преторіанскіе воины, имѣвшіе обязанность охранять особу царя. Въ этомъ смыслѣ греки давали имъ названіе δῆμιον, δῆμιχοι (De Cerim. aulae Byzant. с. IV, not. 19); цѣлая фаланга ихъ называлась схолою доместиковъ. Лице, управлявшее ими, носило титулъ великаго Доместика или по преимуществу доместика. Доместики пользовались особенною довѣренностію царей и потому на нихъ часто возлагаемы были разныя должности, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ; отсюда произошли названія: Domesticus fossa-

rum (начальникъ лагеря) (Codin. De offic. p. 50), Domesticus mensae (завѣдывающій царскімъ столомъ), Domesticus legionum (главнокомандующій), Domesticus turogum (комендантъ крѣпости, или города), Domesticus regionum (тоже, что генераль-губернаторъ), Domesticus judiciorum (министръ юстиціи) и наконецъ Domesticus scholarum (σχολῶν) уполномоченный отъ царя (ἐξάρχων), главноуправляющій легіонами (scholae) войска. Это—тоже, что у насъ генераль-адъютантъ—воинскій рангъ или чинъ, назначенный для исполненія царскихъ повелѣній. И съ этимъ чиномъ или достоинствомъ соединялись различныя должности. Такъ, по Кодину, Доместикъ схола былъ нѣкогда почти тоже, что и великій Доместикъ (De offic. c. V, p. 65) т. е. главный начальникъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ (Ibid. p. 176). Въ такомъ именно смыслѣ упоминается онъ у Льва Діакона (см. L. III, c. VII и L. IV, c. I). Кроме того были еще должности—Доместика схола восточныхъ т. е. главного начальника тѣхъ сухопутныхъ войскъ, которыя расположены были въ восточныхъ (малоазійскихъ) провинціяхъ, и Доместика схола западныхъ—главнокомандующаго легіонами, расположенными въ европейскихъ областяхъ (на западѣ) греческой имперіи (о нихъ упоминали Левъ Діаконъ L. III, c. VIII, сн. L. VII, c. VII). Наконецъ званіе Доместика схола носилъ и главноуправляющій извѣстными когортами придворнаго охранительнаго войска (ихъ было семь), которыхъ отряды назывались схолами (scholae σχολαί), а самые воины схоларіями (σχολάριοι). Они назначены были для охраненія преддверія исамаго входа (χάλκη) большаго императорскаго двора (De Cerim. aul. Byzant. c. V, not. 66). Подробности о нихъ см. у Прокопія «Anecdota Historia XXIV с. У Константина Порфиророднаго, при описаніи царскихъ выходовъ разумѣется именно этотъ послѣдній Доместикъ схола. Должность его при дворѣ византійскомъ, по Кодину, занимаетъ 34 мѣсто; къ ней то, въ видѣ прибавочной, обыкновенно присоединялась и должность димократа Венетовъ, которыхъ, конечно, не слѣдуетъ

смѣшивать съ тѣми выходцами изъ Венеціи, о которыхъ говорила Анна Комнина (т. I, стр. 311 и др.), хотя, быть можетъ, эти послѣдніе и входили во множествѣ въ составъ партіи Венетовъ.

Должность же димократа Прасиновъ, какъ мы замѣтили выше, присоединилась къ званію Доместика экскубиторовъ, который въ «De Cerimoniis aulae Byzantinae» Константина Порфиророднаго иногда называется прямо ἐξκουβίτης или ἐξκουβίτωρ. Экскубитами (excoubitores ἐξκουβίται) назывались стражи и имѣли различное назначеніе, смотря потому, что было частнымъ предметомъ экскубіи. Подъ именемъ экскубіи въ древности разумѣли пожарную команду (Paul. 7 с. 1. De offic. Praef. vigil.) и стражу, охранявшую общество отъ мятежей (Du Cang. Glossar. Latin.). Въ послѣдствіи экскубіею стали называть наемную стражу тиранновъ, получавшую приказанія захватывать общественное имущество, и раздѣляли ее на дневную и ночную (Cuiropalat. 1. De offic. p. 85). Такая стража была и у древнихъ грековъ (Hoffman. Lex. Bibliog.). А въ Византіи названіе экскубитовъ было обще и для передовой стражи войска и для царскихъ тѣлохранителей; собственно же этимъ именемъ отличалась одна изъ четырехъ придворныхъ церемоніальныхъ милицій, именно когорта, изъ которой были назначаемы дневныя и ночныя смѣны (διαδοχαὶ) стражи (ἀλλὰγόν), для охраненія дворца и самой особы императора (De Cerim. L. II, с. 329 not. 42). Жилища ея (Τρικλίον), находились въ передней части большого дворца между трибуналомъ (лихнами) и триклиніемъ 19-ти ложъ. При торжественныхъ выходахъ императора эта милиція, вооруженная большими, круглыми щитами и копьями, составляла великолѣпную блестящую императорскую стражу, когорая соотвѣтствовала значенію нашей лейб-гвардіи. Начальникъ-то этой милиціи и разумѣется у Константина Порфиророднаго, при описаніи царскихъ выходовъ, подъ именемъ экскубита. У Кодиона онъ именуется Praefectus Allagii

(*Ἀρχων ἀλλήλαρχου*) начальникъ послѣдовательной смѣны стражи и занимаетъ въ спискѣ придворныхъ должностей 57 мѣсто (*Codin De offic. c. IV, p. 55*).

При торжественныхъ выходахъ императора въ церковь св. Софіи обязанности обоихъ димократовъ были одинаковы. Какъ димократъ Венетовъ, такъ и димократъ Прасиновъ, одѣтые обыкновенно въ разукрашенные золотомъ цвѣтныя туники своихъ дружинъ, предшествовали церемоніальной процессіи, и потомъ въ извѣстныхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ своими димами дѣлали, по обычаю, торжественныя встрѣчи императору. При этомъ они подносили и (черезъ посредство церемоніймейстера) подавали самому императору отъ лица своихъ дружинъ такъ называемые либеларіи (*λιβελλάρχοι libelli*) листики или свитки пергаменные, на которыхъ обыкновенно писались въ изысканной стихотворной формѣ ¹⁾ поздравленія праздничныя, или же просто похвалы императору (*De Cerim. aul. Byzant. c. IV, not. 20*).

д) Точно такія же обязанности были при этихъ выходахъ и димарховъ. Кодиновъ мало отличаетъ вообще димарха отъ димократа. По его словамъ *Δημάρχοι* и *Δημάρχα* — *αρχοντες δήμων* т. е. начальники, завѣдывающіе и управляющіе извѣстными, подчиненными имъ, общинами (димами). Но изъ снесенія различныхъ мѣстъ «*De Cerimoniis*» Константина Порфиророднаго оказывается между ними разница довольно значительная. Димарху принадлежала власть только дисциплинарнаго устройства общины: онъ обсуживалъ и рѣшалъ преступленія, тяжбы, ссоры, драки и пр. Онъ былъ собственно *magister factionis*, удерживающій въ порядкѣ

¹⁾ «*Carmines* — это четверостишія, каждый стихъ которыхъ начинался по порядку слѣдующею въ греч. алфавитѣ буквою и оканчивался римою. Для составленія такихъ стиховъ каждая дима имѣла особыхъ подрядчиковъ поэтовъ, которые за приличное вознагражденіе непрерывно силились въ либелларіяхъ достойно возвеличить особу царя и относили къ его лицу всевозможные лестные эпитеты.

общину, но надъ нимъ возвышался димократъ (въ вѣдѣніи котораго находились дѣла высшаго управленія общиною), котораго онъ (димархъ) былъ просто *legatus* (*De Cerim. aul. Byzant. c. VIII, not. 10* сн. с. IV, *not. 20*). У Феодана димархи называются *Πρωτοπόλιται* т. е. представителями общинъ. И это названіе очень характерно. Какъ показываютъ факты историческіе (см. *Cod. De offic. c. VI, p. 87*), димархи были избираемы изъ среды самыхъ дружинъ и, быть можетъ, во время возмущеній этихъ дружинъ, были агитаторами ихъ и главными администраторами. У Кодина же они называются иначе *πρετορες τῶ δῆμου* и занимаютъ въ таблѣ придворныхъ чиновъ 59 мѣсто. При торжественныхъ выходахъ императора въ церковь, димархи, которыхъ было два, по числу главныхъ димъ, обыкновенно предстояли дополнительнымъ партіямъ димъ или дружинъ. Такъ димархъ Венетовъ былъ съ партією «бѣлою», собственно называвшеюся *δῆμος λευκός*, которая отличалась отъ прочихъ партій бѣлымъ цвѣтомъ платья и при выходахъ императора представляла очаровательно — блестящую конницу (*De Cerim. aul. Byzantin. c. 62—63*). А димархъ Прасиновъ стоялъ съ партією «красною», которая отличалась отъ прочихъ партій темнокраснымъ цвѣтомъ и потому называлась *ρούσσιος δῆμος* (*De Cerim. c. IV, not. 20*, сн. *Codin. De offic. c. VI, p. 87*).

Такъ, всѣ эти разсмотрѣнные нами лица, по правиламъ придворнаго византійскаго этикета, служили обыкновенно отъ лица всей византійской націи официальными встрѣчниками императора и исполнителями въ честь его актологій, при выходахъ его въ церковь въ извѣстные великіе праздники.

Теперь, въ чемъ же состояли эти общенародныя встрѣчи или *δοχαί*, какъ исполнялись самыя эти актологіи?

Греческій терминъ *δοχή*, который употребляется Константиномъ Порфиророднымъ въ его «*De Cerimoniis aulae Byzantinae*», при

описаніи царскихъ выходоѣ, не вполне ясно выражаетъ для насъ церемоніальность того факта въ торжественной процессіи, на который онъ указываетъ. *Δέχεσθαι* новогреч. тоже, что и *ἐκδέχεσθαι*, знач. ожидать кого нибудь (лат. *expectare*); отсюда—*δοχή* *exspectatio*—ожиданіе; или же *δέχεσθαι* (по лат. *admittere*) допускать, принимать (*excipio*)—отсюда *δοχή* (по переводу лат. *exsertio*) приѣмъ, встрѣча. А въ «*De Cerimoniis*» Константина Порфиророднаго въ понятіи *δοχή* объединяются собственно два акта: со стороны императора—*se presentem sistere* (*δέχεσθαι*) т. е. торжественный выходъ къ народу, а со стороны народа—*expectare ad suscipiendi* (*δοχήν*) et *laudandi* (*ἐοφρημίαν*, *ἀκτολογίαν*) т. е. торжественный приѣмъ. Это совершалось обыкновенно такимъ образомъ. По обѣимъ сторонамъ главнаго хода отъ дворца къ церкви св. Софії (во время церемоніальнаго выхода императора) стояли, по частямъ, возлѣ извѣстныхъ процессіональных дистанцій, разноцвѣтныя партіи (*factionales*) народныхъ дружинъ (*δημῶν*); располагались онѣ, кажется, въ авангардѣ легионовъ или когорты дворцовой церемоніальной стражи (*λαγμάτων ordinum pompaticum*). Возлѣ каждой партіи на особыхъ возвышеніяхъ помѣщались станицы крактоѣ или пѣвчихъ. Кромѣ того, при каждой изъ главныхъ партій стояли особые органисты, которые на серебряныхъ многотрубчатыхъ органахъ акомпанировали пѣвцамъ и народу актологія. А позади цвѣтныхъ партій стояли, находившіеся въ то время въ городѣ, иностранцы, различныя городскія сословія—купцы, ремесленники и разнаго рода чиновные и служилые городскіе люди. И вотъ, когда появляется императоръ, и когда вся свита уже готова переступить дверь, чрезъ которую выходятъ на террасу ¹⁾, откуда видно все многое множество народа, тотъ-

¹⁾ Нужно замѣтить, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ (съ которыми мы уже нѣсколько ознакомились), гдѣ останавливался императоръ во время выходоѣ въ церковь св. Софії, были устроены для этихъ

часть начальникъ димы подносить и черезъ церемоніймейстера подаетъ императору либеларій.—Когда все готово, распорядитель (πραιπόσιτος) входитъ и простирается ницъ предъ императоромъ, сидящимъ на тронѣ, наклоняя голову и слегка поддерживая свой сагіонъ; потомъ императоръ встаетъ съ трона и выходитъ изъ-за балюстрады, становится наверху первой ступени, гдѣ разосланъ коверъ златотканый. И когда все готово, тотъ-часъ открывается занавѣсъ съ верхней части балюстрады предъ трономъ. Препозитъ или распорядитель въ то время уже взявъ конецъ императорской мантии и расположивъ его въ видѣ розы (ρωσθάλιον—какая-то особенная складка) передаетъ императору. Тогда императоръ, стоя передъ трономъ, благословляетъ ¹⁾ три раза народъ:

церемоніальныхъ дистанцій террасы съ особыми полукруглыми возвышеніями, гдѣ подъ куполомъ обыкновенно стоялъ тронъ императорскій. Въ Византіи такія мѣста называли камерой (καμάρα).

¹⁾ По словамъ Комментатора «De Cerimoniis aulae Byzantinae» этотъ обычай—остатокъ того древняго обычая римскихъ императоровъ, по которому они заявляли свои благожеланія цирковымъ партіямъ (populus circensis) пурпуровою одеждою (L I, с. VIII, not. 13). Но византійскіе императоры, стремясь къ воплощенію въ себѣ абсолютной власти (т. е. вмѣстѣ свѣтской и духовной) давали благословеніе, по словамъ Дидрона (Didron), при каждой торжественной церемоніи,—всякій разъ при своемъ появленіи въ общественныя собранія, благословеніе въ смыслѣ священно-церковномъ—такое, какое обыкновенно давалъ въ то время папа (см. Annal. archaeologiq. t. XXI, p. 221). «Какъ намѣстникъ Бога на землѣ, онъ благословляетъ сановниковъ двора и толпу съ высоты сѣдалища, сверху террасы (Ibid. сн. De Cerim. aul. Byzant. с. 179), подобно тому, какъ папа Римскій даетъ благословеніе Urbi et Orbi изъ окна св. Петра въ Римѣ». Неизвѣстно, было ли это благословеніе императорское сопровождается словами, или безъ словъ, но такъ какъ оно было троекратное, то вѣроятно, что императоръ, подобно папѣ (по крайней мѣрѣ на серебряномъ дискѣ Θεодосія В. 394 г., найденномъ въ 1847 г., въ

сперва середину, потомъ правую сторону (партію голубыхъ или Венетовъ, наконецъ лѣвую—партію зеленыхъ или Прасиновъ). Народъ, по знаку распорядителя, возглашаетъ актологіи, самымъ

маленькой испанской общинѣ, Альмендралехо (Almendralejo), что въ Эстремадурѣ,—девятнадцатилѣтній Гонорій изображенъ съ благословляющею правою рукою на манеръ латинскій см. *Annal. archeologiq.* 1861 г. т. XXI, L. V; тамъ же приложена и гравюра съ серебрянаго диска; на ней представлены Θεодосій, Аркадій и Гонорій—давалъ его во имя Отца и Сына и Св. Духа. Вотъ какъ, напр. описываетъ Константинъ Багрянородный эту церемонію предъ началомъ игръ въ циркѣ (гипподромѣ); «когда вся свита переступаетъ дверь, ведущую на Гелиаконъ—террасу, откуда видѣнъ гипподромъ; кубикulario—главный пѣвчій тотчасъ открываетъ занавѣсъ передъ трономъ. Послѣ того церемоніймейстеръ, взявъ конецъ императорской мантии и, сдѣлавъ складку (или *ρωσθηλον*), передаетъ его императору. Тогда императоръ подымается и, стоя передъ трономъ, благословляетъ три раза (сперва посрединѣ, потомъ направо и наконецъ налево) народъ, который возглашаетъ: «Святъ, Святъ, Святъ! «Послѣ этого онъ садится на тронъ и игры начинаются».

Французскіе короли и императоры, по мнѣнію Дидрона, давали народу тоже нѣчто въ родѣ благословенія, потому что лѣвую руку ихъ вооружаютъ скиптромъ, а правую—такъ называемую рукою правосудія. Но эта рука правосудія ничто иное, какъ рука благословляющая на латинскій манеръ: большой палецъ, указательный и средній подняты, а два остальные пригнуты.

Эта рука имѣетъ символическое значеніе; нынѣ ее даютъ государямъ только тогда, когда они помазываются на царство. Совершенно иной рядъ идей возбуждается, говоритъ Дидронъ, этою благословляющею рукою изъ металла, привинченною къ концу жезла, и носимую очень рѣдко, или даже никогда, и живую рукою, почти всегда благословляющею, какою мы видѣли руку молодого Валентіана III на барельефѣ изъ слоновой кости, изъ Монзы (см. *Annal. archeologiq.* ч. XXI, стр. 222).

величественнымъ образомъ выражающія чувство того высокаго благоговѣнія предъ идеей царя, которымъ жила древняя Византія. Во время же предначинанія пѣвцами актологій, начальникъ димы обыкновенно предстоялъ царственной особѣ съ крестообразно сложенными на груди руками (*stat manibus ligatis*), а когда община или дима его въ свою очередь возглашала поздравленія и благожеланія (*εὐφρομαι*) императору, тогда онъ (димократъ) въ виду самаго императора сопровождалъ и какъ бы запечатлѣвалъ эти торжественнорадостные клики народные троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ (*κατασφραγίζει*, *facto manu signo crucis benedicit* (*De Cerim. aul. Byzant. L. I, p. 145*). Это осѣненіе крестнымъ знаменіемъ или благословеніе, которое давалъ димократъ, совершалось не обнаженною рукою (потому что непозволительно было никому, кромѣ лицъ, облеченныхъ въ священный санъ, давать благословеніе обнаженною рукою), а одеждою, такъ какъ былъ обычай красмъ одежды изображать знаменіе креста (*de Cerim. aul. Byzant. L. I, c. VIII, пос. 13, p. 147*). На этотъ обычай и указываетъ Константинъ Багрянородный, при описаніи церемоніальныхъ выходовъ императора въ церковь св. Софіи, говоря (о димократѣ): *κατασφραγίζει κατ' ἄκρον τῆς αὐτῆς χραμίδος πρὸς τὸν βασιλέα τρίτον* (*Ibid. var.*),—какое дѣйствіе, вѣроятно, совершалось отъ лица императора—въ ознаменованіе его благословенія народу, а, быть можетъ, еще и въ знакъ благожеланій и благоговѣйно-высокаго почтенія народа къ монарху.

Считаемо не лишнимъ при этомъ замѣтить: а) что обычай предстоять императору съ крестообразно сложенными на груди руками весьма древній. Въ византійскій дворъ онъ перешелъ отъ древняго двора персидскаго (*De Cerim. aul. Byzant. c. VIII, pos. 13*). И сановники греческіе, вельможи и предводители армій обыкновенно стояли въ виду императора не иначе, какъ сложивъ на крестъ руки на груди (*Isaac. Angel. I, 1. p. 201*). Этотъ обычай имѣетъ тотъ смыслъ, что выражаетъ съ одной стороны

безсиліе, слабость, ничтожество раба, а съ другой—полную преданность его волѣ владыки (Dio Cass. p. 1127). Не этотъ ли самый обычай, освященный древностію и полный глубокаго смысла, перешелъ и въ христіанство и служить самымъ приличнымъ выраженіемъ, предстоящаго предъ Богомъ въ молитвенномъ расположеніи, христіанина?... Этотъ же древне-восточный обычай у Византіи заимствованъ турецкимъ дворомъ, и до нынѣ тамъ употребляется только нѣсколько въ иномъ видѣ. Іанізарі турецкіе, по словамъ одного путешественника, стоятъ предъ своимъ Султаномъ тоже съ переложенными одна чрезъ другую руками только не надъ грудью, а на брюхѣ, и не къ верху, а (въ видѣ Андреева креста) внизъ (см. Voyag. de Constantinop. Motraye t. I, с. XII).

Съ такою-то церемоніальностію, полною глубокаго внутренняго смысла, съ такою величавою торжественностію, замѣтно окрашивающеюся священно-религіознымъ колоритомъ, отправлялись актологіи, при общенародныхъ встрѣчахъ императора, во время его церемоніальныхъ выходовъ въ церковь св. Софій.

Замѣчательно при этомъ, что такому характеру актологій вполне соотвѣтствовалъ и тотъ видъ, въ которомъ являлся императоръ при совершеніи ихъ.

4) Здѣсь мы скажемъ: а) о церемоніальномъ облаченіи императора, б) объ образѣ церемоніальнаго шествія его.

а) Въ церемоніальномъ облаченіи императора съ изящствомъ соединялась особенная какъ бы священная величавость. Одежды или облаченія, въ которыхъ императоръ совершалъ торжественные выходы въ церковь св. Софій въ извѣстные великіе праздники, были слѣдующія:

а) *сѣмла* (вѣнецъ)—это названіе головного императорскаго украшенія выражается въ латинскомъ переводѣ «De Cerimoniis aulae Byzantinae» словомъ *corona*. Но мы замѣтимъ, что *стемма* (или вѣнецъ) по формѣ своей отличалась отъ короны въ собственномъ смыслѣ, которая возлагалась на главу императоровъ,

*

при помазаніи ихъ на царство. и которая, какъ священное наслѣдіе, завѣщанное Константиномъ В., посвящена была Самому Богу, обыкновенно хранилась въ ризницѣ великой церкви и была возлагаема на главу императоровъ въ извѣстные великіе праздники только въ самомъ храмѣ (см. Du Cang. Constantinop. Christian. L. III, p. 24. 25). Насколько можно судить по изображеніямъ стеммы на монетахъ (а изображенія эти представлены у Дюканжа въ довольно маломъ видѣ) форма ея была различна въ разные времена и при различныхъ императорахъ. Такъ во времена Константина В. и даже Юстиніана она представляла видъ, какъ бы, широкой головной повязки, съ едва замѣтнымъ только овальнымъ возвышеніемъ, закрывавшимъ верхушку головы (см. Constantinop. Christ. p. 91. 96), а около времени Константина Порфиророднаго она уже очень близко подходила по формѣ къ патриаршей митрѣ (Ibid. p. 141). Сверху она украшалась крестомъ и разнаго рода драгоценными камнями. И мнѣніе Кодина, что это головное императорское украшеніе есть видоизмѣненіе головной повязки (*διαδημα*), которая возлагалась обыкновенно на лобъ императора и завязывалась около затылка, повязки на подобіе той, какою въ древности жрецы и другіа свящ. особы обвязывали волосы (Cogr. script. histor. Byzant. Cod. Euror. p. 50)—это мнѣніе подтверждается наблюденіемъ первоначальныхъ типовъ стеммы, какъ они изображаются на монетахъ въ «Constantinopolis Christiana» — Дюканжа.

Когда императоръ, говорить Кодинъ, возлагалъ на главу стемму, тогда онъ носилъ обыкновенно:

б) *σακκος*—эта одежда у византійскихъ императоровъ была обыкновенно червленнаго или пурпуроваго цвѣта (Ibid. p. 51), имѣла кругловидную форму, была длинна почти до земли, какъ можно видѣть на монетахъ, и не сшита, а сложенная изъ цѣльной ткани. справа, слѣва и напереди стороны ея соединялись не иначе, какъ посредствомъ застежекъ, или же пуговицъ, слу-

жившихъ въ то же время и не маловажнымъ украшеніемъ; рукава къ ней приставлялись такъ же посредствомъ пуговицъ изъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней (Curs. compl. t. CXII de Cerim. aul. Byzant. c. 271, not. 23).

Верхняя часть саккоса представляла обыкновенно спереди и сзади полукруглый выкатъ (*décolletant*), совершенно открывавшій грудь и плечи, по краймъ эта одежда обладалась обыкновенно разнаго рода драгоценными камнями.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ величественный саккосъ произошелъ изъ древне восточной, обыкновенной верхней одежды, носившей названіе *сагіонъ* (*σαγιον*), по видоизмѣненной и разукрашенной; онъ по формѣ своей у византійскихъ императоровъ нисколько не отличался отъ патріаршаго саккоса, а только превосходилъ его, безъ сомнѣнія, своимъ вышнимъ блескомъ.

с) Особенно великолѣпно разукрашена и испещрена была по золотому полю жемчугомъ и разноцвѣтными драгоценными камнями та повязь (ожерелье), которая украшала плечи и шею императора и называется обыкновенно діадимою (*διαδημα*). По мнѣнію Кодина, діадима эта произошла изъ той обыкновенно разноцвѣтной перевязи, которую носили въ древности консулы и потомъ высшіе воинскіе чины, переложенною изъ подъ правой мышки черезъ грудь и лѣвое плечо, и которая называлась *ζώνη στρατιωτικῇ* (воинскій поясъ) (Codin. p. 50 сн. Curs. Compl. t. CXII. De Cerim. aul. Byzant. p. 1063). Она служила знакомъ чести ¹⁾. Послѣ V-го в. эта перевязь является на византійскихъ

¹⁾ Поэтому тиранны, для большого безчестія христіанскихъ мучениковъ изъ воинскихъ чиновъ, обыкновенно приказывали, предварительно повязать имъ этотъ поясъ, а потомъ снимать публично вмѣстѣ съ *στρεπτῶν*—золотою цѣпочкой, которую они носили на шеѣ, и затѣмъ предавали ихъ на мученія (Corp. Script. hist. Byzant Codin. p. 50 .

императорахъ уже болѣе и болѣе изящно отдѣланою и разукрашенною золотомъ, маргаритами и другими драгоценными камнями, и представляетъ, на подобіе древней *στρεπτόν*, настоящій нарамникъ (*superhumergale*) или омофоръ (*ὠμοφόριον ἐπερχυλῆστον βασιλικὸν τραχήλου* (De Cerim. aul. Byzant. L. II, p. 1063—1065). Онъ, какъ можно видѣть на монетахъ, около времени Константина Багрянороднаго располагался уже на шеѣ и плечахъ императорскихъ такъ же, какъ и у патріарха, концы его такъ же спускались книзу напередѣ и назадѣ, какъ и у патріаршаго омофора (см. *Constantinopolis Christ.* p. 111) ¹⁾.

²⁾ У насъ вотъ какъ опредѣляется діадима. Татищевъ въ своемъ лексиконѣ говоритъ: «Барма по гречески именуется царская панатія, крестъ съ цѣпью, который при коронаціи возлагается сверхъ платья; иногда же, въ томъ заключаются все принадлежащія коронаціи вещи, яко корону, скипетръ, діадиму и пр., что полатыни иносигнія именуется». Она считалась принадлежностію еще великокняжескаго достоинства. Въ обрядникѣ поставленія на великое княженіе говорится: ожерелье, сирѣчь, св. Бармы, яже на плещу свою возлагали, (Древ. Рос. Вивлію. VII, 3). Въ чинѣ поставленія на царство говорится: святыя Бармы, еже есть діадима (*Ibid.* 241). По изображенной на Бармахъ святынѣ, и онѣ назывались у насъ святыми. Нѣсколько иначе опредѣляетъ діадиму Герберштейнъ. Онъ говоритъ, что «бармы—шелковый поясъ, унизанный золотомъ и разноцвѣтными камнями» (*Regum Moscovit.* p. 22). Рисунокъ съ бармъ или діадимы, находящійся въ довольно рѣдкой книгѣ («историческое описаніе древняго Россійскаго Музея, подъ названіемъ мастерской и оружейной палаты въ Москвѣ обрѣтающагося». Москва. 1807), подтверждаетъ болѣе это послѣднее опредѣленіе.

О томъ, когда и какъ перешла она въ Россію, кажется, нѣтъ достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній. Есть нѣсколько мнѣній относительно этого, но онѣ оказываются не совсѣмъ вѣрными. Герберштейнъ напр. говоритъ, что діадима отнята Владиміромъ Мономахомъ у какого-то генуезца Кафы, или въ городѣ Кафѣ (*Regum. Moscovitic.*

g) *χλαρίς* (*tunica*)—императорская мантия—это очень широкая, извивавшаяся сзади волнообразными складками, златотканная, верхняя одежда, обыкновенно была пурпуроваго цвѣта и не только не сшита, но даже ни въ одной своей части не составная, а совершенно цѣльная. Она не имѣла рукавовъ и не застѣгивалась на правомъ плечѣ, какъ *ὑλαμίδα* римскаго происхожденія, а обыкновенно держалась на плечахъ крыльями или краями, которые закидывались сзади къ шеѣ и потомъ черезъ плечо спускались книзу напередъ (*de Cerem. aul. Byzant. c. 255, n. 47*). Она, по своей формѣ, у византійскихъ императоровъ очень близко подходила къ фелони, какъ видно изъ нѣкоторыхъ древнихъ, дошедшихъ до насъ изображеній (на монетахъ см. *Du Cang. «Const. christiana»* и на мозаикахъ см. «Христіан. Древност.» 1864 г.) представляющихъ императоровъ въ полномъ царскомъ облаченіи.

Происхожденіе этой величественной одежды скрывается въ глубокой древности—въ великихъ монархіяхъ востока. На рельефахъ Ниневійскихъ, недавно открытыхъ Богою и Лайярдомъ, въ развалинахъ знаменитой столицы Ассирійской монархіи, видны, по замѣчанію археологовъ, изображенія царей и верховныхъ жрецовъ, на которыхъ эта верхняя одежда представляетъ, какъ бы,

р. 47). За нимъ Стрыйковскій написалъ, что Владиміръ отнялъ у генуезцовъ городъ Каффу, въ единоборствѣ побѣдилъ воеводу и снялъ съ него золотую цѣпь, хранимую въ сокровищницѣ Московскихъ князей и носимую ими, подъ именемъ Бармъ, въ часъ торжественнаго помазанія. Петрей такъ же слышалъ отъ русскихъ, что Мономахова одежда привезена изъ Каффы, гдѣ Владиміръ воевалъ съ татарами. Антоній Герера увѣряетъ, что Мономаховы митра, ожерелье и скипетръ—трофеи побѣды, одержанной Владиміромъ надъ Кафскимъ консуломъ. Но дѣло въ томъ, что въ княженіе Владиміра Мономаха въ Каффу не было ни татаръ, ни генуезцевъ; они завладѣли ею въ XIII вѣкѣ.

видъ фелони (Христ. Древн. 1864 г. т. I, стр. 26). Нужно замѣтить при этомъ, что самая эта фелонь имѣла различные виды: была круглая—не совсѣмъ длинная, и четырехугольная—длинная съ кистями по бокамъ, и спереди нѣсколько поднятая (снимки см. въ «Христіан. Древ.» 1864 г. т. II). И когда Константинъ В. преобразовалъ византійскій дворъ по образцу дворовъ восточныхъ монархій, то вмѣстѣ съ другими заимствованіями введена была и эта восточная царская одежда.

Наконецъ цвѣтъ императорскаго облаченія обыкновенно измѣнялся сообразно съ характеромъ праздниковъ. Такъ пурпуровыя одежды, въ которыхъ выходилъ императоръ въ церковь въ праздникъ Рождества, обыкновенно были перемѣняемы на облаченія бѣлыя въ праздникъ «свѣтовъ» или Богоявленія Господня (Corp. script. histor. Byzantin. Constantini Porphyrog. de Cerimon. 1. 25. 142).

б) Облечившись во всѣ, разсмотрѣнныя нами, свяшенно царскія одежды ¹⁾, императоръ совершалъ торжественное шествіе въ церковь не пѣшкомъ, а верхомъ на конѣ, по большей части бѣломъ ²⁾, съ крестовиднымъ посохомъ въ правой и со свиткомъ (*ακακία* ³⁾) въ

¹⁾ При этомъ нужно замѣтить, что на ногахъ императора во время выходовъ обыкновенно были красныя сандалии, какъ показываютъ нѣкоторыя мозаическія изображенія, уцѣлѣвшія до нашего времени (см. Salzenberg. Christlich. Baudenkm. von Constantinop). Сандалии эти считались между прочимъ отличительнымъ знакомъ царскаго убранства (см. Anna Komnin. 1³⁵ стр.).

²⁾ Curs. Complet. Patrolog. t. CXII Constant. Porphyrog. p. 330.

³⁾ Бѣлый изъ слоновой кости жезлъ и сегментъ или кусокъ тонкой (преимущественно шелковой) матеріи—это обыкновенныя принадлежности, съ которыми древне-римскіе консулы являлись въ общественныя собранія. Держа въ одной рукѣ жезлъ *triumphalis*, а въ другой шелковый значокъ (*тарра*), они такимъ образомъ въ циркѣ

лѣвой рукѣ. Коль для этого наряжался особеннымъ образомъ; его убирали въ разукрашенное золотомъ, драгоценными камнями и

давали знакъ къ началу общественныхъ игръ (de Cerem. aul. Byzant. с. 38 п. 8). Эти-то консульскія украшенія въ рукахъ византійскихъ императоровъ получаютъ особый, христіанско-теологическій смыслъ, а сообразно съ нимъ и новую форму. Жезлъ является въ видѣ креста, а извѣстительный значекъ получаетъ видъ свитка или свертка, съ перстію или прахомъ внутри, и носить названіе акакія (ακακία). Съ такими именно виѣшними принадлежностями представленъ у Дюканжа императоръ Ираклій совершающимъ триумфальное шествіе (см. Constant. Christiana p. 94). Этотъ рисунокъ снабженъ довольно замѣчательными эпитафиями: на лицевой сторонѣ, по краямъ, находится слѣдующій латинскій стихъ изъ псалма: *super aspidem et basiliscum ambulavit et conspulsavit leonem et draconem*; а противъ царскаго лица стоятъ слѣдующія (сокращ.) греческія слова: ΔΟ=ΑΕΝΥ-ΥΓΙΣΤΟΙΣΧΥΤΥΘΕΥΟΤΙΑΙΕΡΡΑ = ЕСΙΑНРАСИТААСКАІНАЕΥΘΕΡΥСЕ+ΑΓΙΟΝΒΑΣΙΝΡΑΚΛΕ т. е. слава въ вышнихъ Богу, что онъ поразилъ сыновъ вражійхъ и освободилъ святаго царя Ираклія; на оборотной же сторонѣ медали на краяхъ: ΠΡΑΒΛΕΙΟCΕΝΧΥ-ΤΥΘΥΠΙCΤΟC ΒΑΣΙ ΚΑΙΑΥΤΘ ΡΥΝΙΚΗΤΙCΚΑΙΛΘΑΘΘΗC ΑΕΙ ΑΥΓΙCΤΟC т. е. Ираклій во Христѣ Богѣ вѣрный царь и самодержецъ—побѣдоносный нашъ освободитель Автустъ; а противъ царскаго лица сіяніе свыше и стоятъ слѣдующія латинскія слова: *ILLUMINA VULTUM TVVM DEVS*; внизу медали—полукругъ въ видѣ луны, съ надписью: *super tenebras nostras militabo in pentibus*. Названіе—акакія упоминаемый свертокъ, получилъ отъ свитковъ, на которыхъ писались челобитныя, и которые (не иначе, какъ *μετὰ μαυτῶλου* императоръ милостиво (ἀνάχως *elementer*, принималъ отъ народа, во время церемоніальныхъ процессій. Смыслъ, который «навязанъ былъ греческими монахами», по словамъ комментатора, «de ceremoniis aulae Byzantinae» «акакіи византійскихъ императоровъ» и который, какъ увидимъ послѣ, разъясняетъ Козинъ, имѣлъ основа-

жемчугомъ, по бѣлому полю, сѣдло (Curs. Complet. Patrolog. graec. t. CXII. de Cerimon p. 380), съ пурпуровой попоной

ніе въ древнихъ византійскихъ обычаяхъ. Изъ одного мѣста Симеона Θεσσαλονικскаго. которое приведено Дюканжемъ въ греческомъ глоссаріѣ (см. Gloss. Graec. v. Ἀχαλία) видно, что былъ нѣкогда обычай при короноваіи держать въ виду коронованной особы въ одной рукѣ свертокъ, наполненный прахомъ, а въ другой—охлопки пуха—на волоскѣ, которые обыкновенно, при возгласѣ: «такъ пройдетъ слава міра сего», въ одно мгновеніе были сожигаемы, предъ глазами самой коронованной особы. Впослѣдствіи, отсюда, быть можетъ, и произошло то, что императоръ, по словамъ Кодина, для памяти о своемъ земномъ происхожденіи и своей смертности, носилъ, при появленіи въ общественныя собранія, въ рукѣ свитокъ съ землею внутри. Впрочемъ этотъ смыслъ акакіи, ко времени Константина Порфиророднаго, уже успѣлъ измѣниться, являясь въ рукѣ императора символомъ не смертности, а воскресенія нашей земной части; посему и въ правой рукѣ императоръ держалъ не жезлъ (хоть и крестовидный), а побѣдное знамя креста: ἐν ταῖς δεξιαῖς χερσὶν αὐτῶν (т. е. императоровъ) τὸ νικητικὸν τῆσανρὶν τρόπαϊον κατέχουσιν, ἐν δὲ ταῖς ἐνωμόμοις τὴν ἐξανάσασιν τῆς χοικῆς ἡμῶν οὐσίας (см. de Cerimon. aul. Byzant. p. 449). Послѣ же Константина Багрянороднаго, замѣчаетъ комментаторъ: «de Cerimoniis» (см. Curs. Compl. t. CXII. p. 247),—пергаменовидные свитки въ рукѣ византійскихъ императоровъ, какъ показываютъ изображенія ихъ на монетахъ—у Дюканжа, представляли уже священные свитки евангельскіе. И это мнѣніе имѣетъ довольно прочное основаніе. Такъ авторъ жизни Василия Македонянина (Rhamnisius p. 140 n. 58 ed. Allat.) рассказываетъ, что Василій въ какомъ-то св. храмѣ, имъ самимъ устроенномъ, велѣлъ изобразить своихъ дѣтей со свитками (volumen μεγαλειον—это названіе священно-книжнаго свитка перешло къ христіанамъ отъ еврейскаго или арабскаго מִשְׁכָּל merillah) въ рукѣ, содержащими божественныя заповѣди: ὦν οἱ μὲν ἄρρενες, говоритъ онъ, μεγαλειον (τόμορος) ἐπιφέρμενοι δείκνυνται τὰς θείας ἐντολάς, αἷς στοιχεῖν ἐπαιδεύοντο,

(1 Никит. Ховіата стр. 207. 2. 114) и въ пурпуровый науздникъ ¹⁾. Вели его два знатѣйшіе придворные сановники—протостраторъ и хартулярій ²⁾. Впереди процессіи, по обѣимъ сторонамъ, шли манклаваты (μαγκλαρίτοι), съ разукрашенными золотомъ и серебромъ прутьями или хлыстами въ рукахъ,—приготовлявшіе путь церемоніальному шествію. Шествіе же открывали веститоры (облачатели), несшіе перемѣны церемоніальныхъ императорскихъ облаченій и возвышавшіе впереди всей процессіи императорское знамя (σταυρός ³⁾). За ними слѣдовали жезлоносцы: си-

περιέχοντας τὸ δὲ θ-ῆλυ γένος καὶ αὐτὸ βίβλους κατέχον ὁρᾷται νόμων θεῶν ἐχούσας περισχίν.. А самъ Василій на монетѣ у Дюканжа представленъ носящимъ въ лѣвой рукѣ шаръ съ крестомъ, въ правой же не свитокъ volumen) уже, а настоящую книгу (Codex quadratus) евангелій; на краяхъ монеты—слѣдующая надпись: DN—BASILIVS PERPETVVS (см. Constantin. Christiana p. 115). Точно въ такомъ-же видѣ на оборотѣ другой монеты (см. Ibid. p. 104 num. «Leo et Constantinus» PF. Aug.) изображенъ самъ I. Христосъ—съ надписью по краямъ монеты: TIBI SOLI REX REGNANTIVM.—Вотъ какой божественный образъ стремились отобразить на себѣ императоры Византии.

¹⁾ Въ этомъ видѣ лошадь императорская походила на тѣ крылатыя созданія игривой греческой фантазіи, на которыхъ древне-греческіе боги-человѣки являлись среди обожателей своихъ и поражали ихъ чудесами своего нечеловѣческаго величія, и изображенія которыхъ сохранились и дошли до насъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми произведеніями древне-греческаго ваятельнаго искусства (см. «Воспорское царство»—Ашика. 1848 г. ч. 1, р. VIII гравюр.).

²⁾ Протостраторъ (начальникъ конюшихъ) велъ отъ начала шествія и до пятой части дворца, а потомъ уже до конца велъ хартулярій, за отсутствіемъ же протостратора, лошадь велъ отъ начала и до конца процессіи одинъ хартулярій (Corp. script. histor. Byzant. Codin p. 29).

³⁾ Это знамя носило названіе креста потому, что представляло

ленціаріи, несшіе серебряные вызолоченные жезлы, остіаріи, несшіе золотые жезлы, съ драгоцѣнными каменьями, далѣе: царскіе оруженосцы: меченосцы, щитоносцы, несшіе золотые щиты, украшенные эмалью, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; спатаріи, несшіе кромѣ щитовъ и копій, сабли или шпаги (σπάθας) съ золотыми рукоятками; спатарокандидаты въ бѣлыхъ одеждахъ, украшенные золотыми ожерельями и вооруженные копьями, щитами и сѣкирами; протоспаторіи—барбаты (бородатые) и протоспаторіи—евнухи, несшіе кромѣ шпагъ, щитовъ и ожерельевъ, еще шесты или посохи, съ разукрашенными различными драгоцѣнными камнями рукоятками. Императора окружали евнухи: впереди шли начальники кубикюляріевъ (кабинетныхъ), а позади патриціи (императорскіе совѣтники) въ скуфьяхъ или камилавкахъ на головѣ, и одѣтые въ мантии; магистры (правители различныхъ классовъ царскихъ прислужниковъ) въ бѣлыхъ одеждахъ (стихаріяхъ), обшитыхъ золотомъ, съ золотыми таблицами на плечахъ и съ пурпуровою перевязью ¹⁾, украшенною разноцвѣтными камнями, которою обыкновенно подпоясывали одежду, а концы, проведенные сзади черезъ спину и плечи, складывали на крестъ на груди. Далѣе слѣдовали остальные евнухи и высшіе

видъ четвероконечнаго креста: на всѣхъ четырехъ сторонахъ или концахъ его блистали огненновидные лики четырехъ великихъ мучениковъ: Димитрія, Проклія, Θεοδора Стратилата и Θεοδора Тирона (Corp. script. hist. Byzant. Codin. Suppal. p. 28 стр. 48).

¹⁾ λώρον baltheus—эта перевязь нѣкогда называлась опаріемъ (oparium); но это древнее названіе впослѣдствіи осталось только въ церкви за священно-діаконскимъ украшеніемъ, которое, впрочемъ при Константинѣ В., постановлено было носить и пресвитерамъ на обоихъ плечахъ; діаконамъ же только на одномъ (см. Curs. Compl. t. CXII de Cerepon. aul. Byzant. L. II. p. 1063).

придворные сановники. По сторонамъ императора шла почетная императорская стража, составленная изъ почетнѣйшихъ юношей-родственниковъ царскихъ и знатнѣйшихъ фамилій; далѣе за нею—стража, составленная изъ иностранцевъ и извѣстная подъ названіемъ Варанговъ (*Βάρανγοι*). Обѣ эти стражи вооружены были сѣкирами или бердышами. Наконецъ императорское шествіе сопровождали сенаторы, военачальники и высшіе государственные сановники. По сторонамъ и позади всей церемоніальной процессіи шли церемоніальныя милиціи: кандидаты—въ бѣлыхъ одеждахъ, и шканаты—однорослые и отмѣнно здоровые духомъ и тѣломъ (*ἰκανοί*) войны.

Шествіе совершалось медленнымъ шагомъ и съ извѣстными остановками при встрѣчахъ, когда императоръ обыкновенно сходилъ съ коня и восходилъ на приготовленные для него особыя мѣста, наверху эсградъ; совсѣмъ-же императоръ оставлялъ свою лошадь только въ самомъ преддверіи храма (*Curs. Compl. Patrolog. graec. t. CXII Constan. Porphyrog. p. 329*).

Нужно замѣтить при этомъ, что какъ съ одеждами или облаченіемъ императора, такъ и съ его позитурой и самой даже обстановкой, во время этихъ церемоніальныхъ выходовъ, соединяли въ Византіи особенный теологическій смыслъ.

Неся крестъ, говорить Кюдинъ, императоръ показываетъ свою вѣру во Христа, чрезъ вѣнецъ свидѣтельствуется честь; ціадима или зона предудказываетъ воинскую доблесть; въ червленномъ или пурпуровомъ саккосѣ—секретъ или тайна власти, въ персти или прахѣ съ сверткомъ, что пазывалось акакією,—видно было смиреніе императора, какъ смертнаго, при всемъ томъ, что онъ представляетъ въ себѣ все величіе власти и чрезвычайно возвышается надъ всѣми.

Цѣльность императорскихъ одеждъ указываетъ на цѣлость или непорочность императора; а чрезъ мантию, волнообразно извивающуюся, виднѣется непостоянство его власти и переходъ ея

отъ одного къ другому; чрезъ мечъ показывается власть. Свѣ-
тильникъ (λάμπας) предносится императору, какъ-бы въ ознаме-
нованіе словъ Христа: «тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ
человѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша и прославятъ отца
вашего, иже на небесѣхъ» ¹⁾. Вообще весь видъ императора, во
время его церемоніальнаго шествія въ церковь живо напоминалъ
божественный ликъ Царя Славы, вѣзжавшаго нѣкогда въ Іеру-
салимъ на ослиати и слушавшаго восторженные клики народа:
«Осана въ вышнихъ! благословенъ грядый во имя Господне»; онъ
ясно представлялъ тотъ священный типъ съ крестомъ въ одной
рукѣ и со свиткомъ (ἐοικός κώδυς ²⁾ какъ-бы книжнымъ) въ другой,
который наша древняя Русь благоговѣнно созерцала въ лицѣ па-
тріарха, — ѣздившаго (иногда цѣлые три дня, какъ патр. Іосифъ),
вокругъ бѣлаго города (кремля), — на конѣ съ ослиными ушами
(см. Снегиревъ «Русск. престоляр. праздники», вып. III, стр. 165).

Изобразивъ въ главныхъ чертахъ общую обстановку цере-
моніальныхъ выходовъ императора въ церковь, изложимъ со
всею точностію то описаніе рождественныхъ и пасхальныхъ вы-
ходовъ и актологій, какое находится у Константина Порфиро-
роднаго.

А. Привѣтствія въ праздникъ Рождества Христовъ.

Когда императоръ ³⁾, сопровождаемый всею обычною сви-

¹⁾ Corp. scriptor. hist. Byzant. Codin Curor. c. VI. p. 51.

²⁾ Ibid.

³⁾ Въ текс. = τῶν δεσποτῶν — множ. чис. Не слѣдуетъ однакожъ
принимать это выраженіе за указаніе на двухъ императоровъ — цар-
ствующаго (αὐτοκράτωρ) и наслѣдника престола, котораго называли
junior δεύτερος βασιλεύς (Curs. Complet. Patrolog. graec. t. CXII L.
II с. 413). — Византійскіе историки, говоря о царствующей особѣ,
обыкновенно всегда выражаются во множественномъ числѣ. Такъ и

тою ¹⁾, совершает торжественное шествіе изъ дворца ²⁾ въ Ве-

въ «De Cerimoniis» Константина Порфиророднаго очень часто попадаются: οἱ δεσπότες βάλλουσιν τὰ ἱμάτια, οἱ δεσπότες ἐξέρχονται, вмѣсто: императоръ надѣваетъ одежды, императоръ выходитъ. Такой способъ выраженія сталъ входить въ обычай со временъ Августа цезаря, или еще даже гораздо раньше (см. de Cerim. aul. Byzant. L. 1. c. V. not. 50). Титулъ его деспота (δεσπότης), принадлежалъ сперва одному византійскому царю (Procopii anecdot. histor. p. 134) и означалъ тоже, что у латинскихъ или западно-римскихъ августовъ титулъ Господина (Dominus). Но какъ Августъ и Тиверій, по свидѣтельству Светонія, отвергли этотъ титулъ, и онъ сдѣлался почетнымъ названіемъ придворныхъ чиновъ, такъ и въ Византіи, по свидѣтельству византійскихъ историковъ,—начиная съ Михаила Калафата, онъ давался сановникамъ двора и преимущественно царскимъ родственникамъ (см. Geld. de titul. honor. par. 1. cap. VI § 7). За собою же императоры удерживали его только на монетахъ (какъ можно видѣть въ «Constantinopolis Christiana» — Дюканжа).

¹⁾ Въ подлин. πάσης τάξεως. Τάξη—вообще знач. порядокъ (ordo лат.), отрядъ, строй и употреблялось у грековъ для обозначенія различныхъ подраздѣленій войска. Такъ когорты или полки назывались τάγματα (Leop. Tact. in cap. 4 § 2. 6); отрядъ, состоявшій болѣею частию изъ 100 ч., (или рота) у грековъ—τάξη, а начальникъ этого отряда—ταξίαρχος (Ник. Хониатъ 1. стр. 29). Но въ особенности названіе τάξις давали когортамъ или милиціямъ дворцовой стражи, какъ видно изъ многихъ мѣстъ «de Cerimoniis aulae Byzantinae», а еще частице имъ обозначались отряды той великолѣпной церемоніальной милиціи царскихъ тѣлохранителей и той ординации придворныхъ чиновъ, которые, при торжественныхъ выходахъ, сопровождали императора и составляли весь составъ его свиты (см. Du Cang. Graec. Glossar. Ταξις).

²⁾ Нужно замѣтить, что императоръ въ этой торжественной процессіи вовсе не выходилъ ἐξ τοῦ παλατίου, такъ какъ нѣсколько церемоніальныхъ дистанцій было въ обширной (въ то время почти

ликую церковь ¹⁾, то первая встрѣча бываетъ въ трибуналѣ или въ лихнахъ, и стоитъ тамъ димократъ Венетовъ или domestikъ схолъ и съ потустороннею ²⁾ димую Венетовъ, и какъ только

въ 400 метровъ) окружности того же большого дворца—въ другихъ сравнительно меньшихъ дворцахъ (Дафии и Халки), служившихъ, какъ бы, большимъ преддверіемъ собственно царскаго дворца, называвшагося хризотриклиніемъ. Да и самый соборъ св. Софіи, по словамъ Дидрона, составляялъ часть дворца и скорѣе долженъ быть названъ дворцовымъ храмомъ, чѣмъ главнымъ храмомъ имперіи: это большая мошеля императора (Annal archeologiq. p. 222). Поэтому-то выходъ императора ἀπὸ τῆς παλατίου, въ разсматриваемомъ мѣстѣ «de Ceremoniis» Констан. Порфиророднаго, слѣдуетъ понимать, какъ выходъ только изъ главныхъ частей большого дворца, называвшихся ἱερὸν παλάτιον (священнымъ дворомъ) θεοφυλάκτου παλατίου (бого-хранимымъ дворцомъ).

¹⁾ Хотя въ текстѣ подлин. и нѣтъ словъ—ἐν τῇ Μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ, но онѣ тамъ сами собой подразумѣваются, такъ какъ, употребленное въ подлинникѣ, слово προέλευσις обозначаетъ именно извѣстный образъ церемоніальнаго выхода императора въ Великую церковь или въ храмъ св. Софіи (Goar. ad. Codin. p. 113. n. 4).

²⁾ въ подлин. τοῦ περατικοῦ δήμῳ... περατικός собственнo значить по ту сторону залива (находящійся) transfretum. Въ такомъ именно смыслѣ употреблялось это слово у византійскихъ историковъ (см. напр. Аноним. р. III. Antiq. Constant. L. III p. 59); такое же значеніе оно имѣетъ и нынѣ у грековъ.—Поэтому и здѣсь у Константина Багрянороднаго подъ нимъ разумѣется та партія Венетовъ, которая жила въ предмѣстіяхъ Константинополя, (какъ-то: въ Галатіи (нынѣшней Перфѣ) и въ Азіи—за Пропонтидою и Геллесπονтомъ,—со стороны Константинополя—въ Халкидонѣ и Хризополѣ или Скутари—по ту сторону залива (золотого рога), называвшагося Перамою (Du Cang. Const. Christ. L. 1. p. 16—17. Эта заморская партія Венетовъ, равно какъ и другія димы, жившія по ту сторону залива, на случай торжественнаго выхода императора, обыкновенно переходили

императоръ готовъ появиться тамъ, кракты провозглашаютъ при-
пѣвъ ¹⁾ 3-мъ гласомъ ²⁾: «звѣзда возвѣщаетъ солнце—Христа,
восходящаго изъ Дѣвы въ Вифлеемѣ». Встрѣча первая. И когда
императоръ приходитъ и становится ³⁾ на обычное мѣсто его
стоянія или въ камерѣ ⁴⁾, кракты провозглашаютъ: «многая,
многая, многая!» народъ: «многая лѣта на многая!» и опять
кракты: «многая вамъ времена божественное ⁵⁾ величество!» воз-

дили въ самый Константинополь и, присоединившись къ большой
или главной городской общинѣ (димѣ своего цвѣта т. е. Венетовъ,
участвовала въ торжественныхъ встрѣчахъ императора.

¹⁾ φωνή phona—это стихъ или пѣснь, которой тонъ (echus)
былъ modulatto для слѣдовавшихъ затѣмъ антифоновъ народныхъ.

²⁾ ἤχος въ подлин. значить—тонъ (tonus) это тѣже тоны или
гласы, которые были въ употребленіи въ то время въ церквахъ гре-
ческихъ (Du Cang. Glossar. u Leo Allat. de libr. ecclesiast. p. 68).

³⁾ Рѣдко случалось, чтобы императоръ стоялъ: обыкновенно же
думали, что это не сообразно съ величіемъ его власти. Но, по древ-
нему обычаю и по требованію придворнаго этикета, онъ стоялъ
только въ особенныхъ случаяхъ, какъ напр. во время привѣтствій
и поздравленій его народными партіями, при торжественныхъ выхо-
дахъ въ церковь, а также и въ циркъ, при обращеніи его съ рѣчью
къ сенату и къ войскамъ на полѣ (campus Constantinopolitanus), при
чтеніи Евангелія и писаній въ церкви (De Cerim aul. Byzant. с. VIII.
not. 7).

⁴⁾ χαμάρα греч.

⁵⁾ ἐν θεοῦ βασιλεία въ текст.—Говорилось также по отношеніи
къ императору: Θεοσεπτὸς, Θεοτροβλητός. По византійскимъ поня-
тіямъ императоръ—это намѣстникъ Бога на землѣ: онъ вступалъ на
царство, по суду и избранію Самаго Бога и Его Христа, царствовалъ
во имя Божіе (ἐν Θεῷ), по волѣ Божіей и со властію божественною
(De Cerim. с. 22 not. 43). Ему воздавалось нѣкоторое боговѣйное
поклоненіе.—Самые высокіе сановники не только простираются ницъ

глашаетъ и народъ троекратно: «многая вамъ времена!» кратки: многая вамъ времена, служители ¹⁾ Господа!» возглашаетъ и

предъ императоромъ, но даже цѣлуютъ его ноги. «Если, говоритъ Константинъ Порфирород., императору угодно украсить кого нибудь достоинствомъ магистра, онъ даетъ (это бывало во время выхода въ церковь) знакъ препозиту и называетъ имя кандидата, которое препозитъ сообщаетъ церемоніймейстеру, и тотъ съ однимъ силенціаріемъ, вышедши изъ своего мѣста, становится предъ патриціями на низшей ступени возвышенія; и тотчасъ препозитъ даетъ императору стихарій и перевязь (balthem), церемоніймейстеръ же, взявши рукою кандидата, ведетъ къ императору, повергаетъ потомъ къ его ногамъ, цѣлуетъ ихъ и наконецъ подымается. Послѣ того, получивши изъ рукъ императора стихарій и поясъ, ноги его цѣлуетъ; затѣмъ церемоніймейстеръ съ силенціаріемъ ведетъ его въ сторону, и одѣвши въ стихарій и подпоясавши перевязью, приводитъ и помѣщаетъ внизу возвышенія предъ императоромъ. Всѣ входятъ и простираются ницъ, а церемоніймейстеръ ведетъ кандидата къ императору, чтобы тотъ палъ къ ногамъ и поцѣловалъ ихъ; послѣ того онъ подымается и восхваляетъ императора. Наконецъ церемоніймейстеръ его беретъ и назадъ отводитъ и ставитъ въ своемъ порядкѣ и мѣстѣ».—Другой замѣчательный фактъ. На томъ дискѣ Теодосія В., о которомъ мы упоминали, высокій сановникъ (логоветъ имперіи) изображенъ принимающимъ отъ императора великую хартію обѣими руками, обернутыми въ плащъ, слѣдовательно, также, какъ изображаются апостолы, принимающіе отъ самаго І. Христа евхаристію, ключи и книгу.

¹⁾ *Θεράποντες* въ подлин.—Это значитъ не просто слуги или рабы *λατρεῖς* или *δούλοι*—латин. *servi*), что можно бы отнести и къ каждому смертному, но какъ объясняется въ *Λεξικ. ελλην. Γλῶσσ. ἐν Ἀθήναις 1852 г.*, οἱ ἀσχολώμενοι εἰς τὴν θεῖαν λατρείαν т. е. дѣйствующіе на поприщѣ божественнаго служенія. И императоровъ византийскихъ называли *θεράποντες τοῦ Κυρίου* въ томъ смыслѣ, въ какомъ греческіе генералы назывались *θεράποντες τοῦ Ἀγαμέμνονος* т. е. какъ особенныхъ почитателей и служителей Господа, несущихъ

народъ троекратно: «многая вамъ времена, NN, римскіе ¹⁾ самодержцы!» возглашаетъ и народъ троекратно: «многая вамъ времена!» краты. «многая вамъ времена, NN, Августы ²⁾ римскіи!»

его божественнаго служенія. На основаніи такого-то взгляда на свое достоинство византійскіе императоры часто любили присвоивать себѣ духовную власть и высшій судъ въ дѣлахъ вѣры и церкви.

¹⁾ ῥωμαίων въ текст.—Греческіе писатели, съ того времени, когда страна греческая стала составлять восточную часть римской имперіи, всегда называютъ грековъ римлянами (ῥωμαῖοι). Точно также и у византійскихъ историковъ все греческое называется римскимъ: и войско, и народъ, и страна и императоръ; да и въ рѣчь греческую съ того времени вошли многія названія и обороты латинскіе, что можно видѣть во многихъ мѣстахъ «de Cerimoniis aulae Byzantinae». Западную же римскую имперію и вообще все западное византійскіе историки, для отличія, называютъ—латинскимъ и всѣхъ выходцевъ съ запада латинянами.

²⁾ Августами (Αυγουσταί) назывались въ Византіи императрицы. Самый дворецъ ихъ назывался 'Αυγουστεῖον или 'Αυγουστεῶν, котораго не нужно смѣшивать съ дворцомъ, находившимся (ἐντοθεν τῆς χαλκῆς) внутри большого дворца—близъ хризотриклинія и называвшимся Αὐγουστεῶν Δάφνη. 'Αυγουστεῖος находился внѣ дворца большого—возлѣ Софійскаго храма. Его устроилъ и назвалъ такъ Константинъ В., въ честь своей матери Елены, которую провозгласилъ Августою и которой поставилъ статую, обращенную къ Іерусалиму, на площади этого дворца (Antiquit. Constant. Bandur. t. II. p. 359. Въ этомъ-то Августеонѣ, обнесенномъ великолѣпными портиками и украшенномъ великолѣпными группами статуй, императрицы получали корону изъ рукъ патріарха (а по мнѣнію Бантакузина (I. 1 cap. 41. 1. cap. 83) царицы коронуются были не патріархомъ, а короюванными уже супругами своими—царями); почему и величались титуломъ Августъ. Иногда впрочемъ такимъ высокимъ названіемъ украшались по волѣ императоровъ и незаконныя ихъ жены. Такъ извѣстно объ Августѣ Мономахѣ, что онъ, при жизни своей супруги порфирородной - Зои,

*

возглашаетъ и народъ троекратно: «многая вамъ времена!» кракты: «многая вамъ времена съ супругами и порфирородными!» ¹⁾ возглашаетъ и народъ однажды: «да созиждетъ Богъ многолѣтіе вашего ²⁾ святаго ³⁾ величества на многая лѣта!».

Вторая стрѣча—предъ дверьми св. апостоловъ или въ схолахъ: тамъ стоитъ димократъ Прасиновъ или экскубиторъ съ потустороннею димною Прасиновъ, и какъ только императоръ готовъ появиться тамъ, кракты провозглашаютъ припѣвъ 3-мъ гласомъ: «Безматерній на небесахъ, раждается безъ отца на землѣ». Еще «Творецъ челоуѣковъ—Челоуѣколюбецъ нисходитъ родиться челоуѣкомъ». Когда же императоръ приходитъ и становится на обычное мѣсто его стоянія или въ камерѣ, кракты провозглашаютъ:

ввелъ въ гинскей одну женщину изъ фамиліи Склеровъ, наименовалъ ее Августою и, въ виду всего народа, возсѣдалъ среди Зои и Августы—наложницы; по смерти Зои онъ принялъ и другую—дочь какого-то Аланскаго князя и тоже назвалъ ее Августою (Zonag. p. 207). Но это, какъ незаконное, осуждается византійскими писателями.

¹⁾ Подъ этимъ названіемъ разумѣются дѣти царя. Впрочемъ для полученія имени порфиророднаго мало было родиться отъ отца, занимавшаго царскій престолъ; недостаточнымъ почиталось также быть, по рожденіи, принятымъ въ царскіе пурпуровые чертоги: для этого надлежало увидѣть свѣтъ во дворцѣ, сдѣланномъ изъ порфира и называвшемся по этому порфиновымъ. Онъ былъ расположенъ на югъ отъ большаго, въ немъ-то императрицы обыкновенно разрѣшались отъ бремени (Annal archeologiq. t. XXI c. VI. p. 262).

²⁾ Въ подлин. стоитъ *ααζ*—слово новогреческое; оно употребляется вмѣсто *ὁμῶν*.

³⁾ *ἀγίαν πατρίαν* въ текст.—Въ этомъ названіи также обнаруживается преувеличенное почитаніе востокомъ земныхъ владыкъ. На томъ-же дискѣ Θεодосія В, о которомъ мы упоминали, самъ онъ и его сыновья представлены съ головами, окруженными сіяніемъ—какъ окружаются, особенно въ латинской церкви, лики святыхъ.

«многая, многая, многая!» народъ: «многая лѣта на многая!» кракты: «многая вамъ времена, избраніе Троицыно!» возглашаетъ и народъ троекратно: «свѣто!» кракты: «многая вамъ времена, NN самодержецъ римлянъ!» возглашаетъ и народъ троекратно: «свѣто!» кракты: «многая вамъ времена, служители Господа!» возглашаетъ и народъ троекратно: «свѣто!» кракты: «многая вамъ времена, NN Августы римлянъ!» возглашаетъ и народъ троекратно: «свѣто!» кракты: «многая вамъ времена, деспоты, съ Августами и Порфирородными!» возглашаетъ и народъ: «да созиждетъ Богъ многолѣтіе вашего святаго величества на многая лѣта!»

Третья встрѣча—внутри халки: тамъ стоитъ димократъ Венетовъ или domestikъ схолъ и съ потустороннею димою Венетовъ, и когда только императоръ готовъ появиться тамъ, кракты провозглашаютъ припѣвъ 3-мъ гласомъ: «Богъ, разрѣшающій цѣпи грѣха, обвивается пеленами въ ясляхъ». Благожелательныя же привѣтствія возглашаются пѣвцами и народомъ, какъ и въ прочихъ встрѣчахъ.

Четвертая встрѣча—въ халки: тамъ стоитъ димархъ Венетовъ съ димою «бѣлою» и кракты провозглашаютъ припѣвъ 3-мъ гласомъ: «звѣзда предшествуетъ и освѣщаетъ пещеру, чтобы указать магамъ Господа солнца. Ибо явился младенецъ, и плоть изъ Дѣвы загладила древнее преслушаніе Адама. Самое же величество ваше, деспоты, да сохраняется на славу римлянъ во все продолженіе вѣременъ!» Благожелательныя же привѣтствія возглашаются крактами и народомъ, какъ и въ первой встрѣчѣ было сказано:

Пятая встрѣча у такъ называемаго Ахиллеса—въблизи великой двери Мелетія: тамъ стоитъ димархъ Прасиновъ съ димою «красною» и кракты провозглашаютъ припѣвъ 1-мъ гласомъ: «Безматерній на небесахъ, безъ отца рождается на землѣ». Благо-

желательныя же привѣтствія возглашаются крактами и народомъ, какъ и въ прочихъ встрѣчахъ.

Встрѣча шестая въ орологіѣ св. Софіи: тамъ стоятъ димархъ Венетовъ съ димою «бѣлою», и кракты провозглашаютъ 3-мъ гласомъ припѣвъ «Дѣва, изъ которой благоволилъ явиться Христосъ и Богъ нашъ, открыла едемскій рай въ Вифлеемѣ; ибо воплотившійся изъ нея, по человеколюбію, избавилъ насъ отъ язвительнаго чувства грѣха; мы же, обрѣтая сладость неизреченнаго и великаго Его могущества, и почерпая вѣстныя услажденія изъ нашего спасенія, содѣлались причастниками божественнаго Его наследія». Когда же императоръ приходитъ и сѣановится на обычномъ мѣстѣ его стоянія или въ орологіѣ, кракты провозглашаютъ: «многая, многая, многая!» народъ: «многая лѣта на многая!» кракты: «Творецъ всѣхъ и Господь» — возглашаетъ и народъ троекратно: «многая вамъ времена!» кракты: «Родившійся изъ Святой Дѣвы» возглашаетъ и народъ троекратно: «многая вамъ времена!» кракты: «да приумножить времена ваши съ Августами и Порфирородными» народъ: «да сотворить Богъ многолѣтіе вашего святаго величества на многая лѣта»!

Далѣе, когда императоръ входитъ внутрь вилы ¹⁾ передъ нарексомъ, препозитъ снимаетъ вѣнецъ съ головы ²⁾ его и онъ

¹⁾ ῥήλον — подъ этимъ названіемъ разумѣется здѣсь занавѣсъ, которымъ отдѣлялась и закрывалась эстрада, гдѣ стоитъ императорскій тронъ.

²⁾ Былъ древній обычай, по которому императоръ, идя въ церковь, предъ входомъ въ притворъ или нарексъ слагалъ съ себя корону или собственно вѣнецъ (στέφανος, и потомъ или совсѣмъ не возлагалъ его до окончанія всего священнослуженія, или же, если хотѣлъ, возлагалъ, но опять снималъ ее въ извѣстныя торжественныя минуты богослуженія (тогда же, когда и патріархъ снималъ свою митру, — какъ: во время чтенія св. Евангелія, великаго входа, принятія св. тайнъ De Cerimon. aul. Byzant. c. XII. not. 68).

Входитъ въ нарекскъ, гдѣ его встрѣчаетъ патріархъ; послѣ взаимнаго восклоненія и лобызанія, они, взявшись подъ руки, входятъ къ царскимъ вратамъ, гдѣ императоръ, остановившись, возжигаетъ кириі (свѣтильники), и по окончаніи патріархомъ входной молитвы предъ божественною литургією, отдаетъ ихъ препозиту, а тотъ церемоніймейстеру. Приложившись же послѣ того къ св. Евангелію и перешедши черезъ средину храма, амвонъ и седею, императоръ становится передъ святыми вратами ¹⁾, получивши же кириі отъ препозита и помолившись, возвращаетъ ихъ опять препозиту; потомъ входитъ во святилище и возлагаетъ на св. престолъ два покроя ²⁾. И поцѣловавъ два свящ. потира и два свящ. дискаса, и пелены ³⁾ Господа, и получивъ

¹⁾ Такъ назывались тѣ врата, которыя вели въ алтарь.

²⁾ Здѣсь разумѣются тѣ покровцы или воздухи (*ἀέρας* какъ ихъ обыкновенно называли въ Византіи), которыми закрывались св. тайны. Такіе покровы были различны по цвѣту, и сверху по большей части были пурпуроваго цвѣта. Императоръ же возлагалъ обыкновенно покровцы бѣлаго цвѣта (*λευκοῦς ἀέρας*), которыми непосредственно покрывались св. тайны. Въ древней церкви вѣрные, приходя въ церковь, приносили съ собою и милостыни для общей трапезы—вечери любви. Въ воспоминаніе этого благочестиваго обычая императоры византійскіе, при торжественныхъ выходахъ, приносили, въ даръ церкви, такіе предметы, какъ свѣчи, свящ. одежды, покровы, монеты, диски и сосуды золотые и, предъ освященіемъ св. даровъ, возлагали на престолъ (De Cerem. aul. Byzant. L. 1. X not. 41).

³⁾ *σπίρηλα τῶ κυρίου*.—Были въ Константинополѣ пелены Господни двоякаго рода: младенческія, которыя сохранялись въ св. Софії и разумѣются здѣсь у Консг. Багрянороднаго, и погребальныя, которыя съ другими погребальными принадлежностями хранились въ Влахернскомъ храмѣ.—Эти пелены Господа обыкновенно

отъ препозита апокомбій ¹⁾, возлагаетъ его на св. престолъ, выходитъ потомъ по ступенямъ алтаря и входитъ въ митаторій ²⁾, гдѣ опять возжигаетъ кири. Послѣ же, когда наступаетъ время выхода съ дарами, императоръ выходитъ и, сопровождаемый патриціями и прочими сановниками, обходитъ обычно храмъ и направляется къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ свѣтильникъ, который имѣетъ онъ нести. И когда приближается онъ къ тому мѣсту, въ которомъ стоитъ свѣтильникъ его, въ то время стоитъ тамъ обыкновенно сенать, посреди котораго и проходитъ императоръ. И когда находится онъ вблизи своей лампы, препозитъ беретъ ее и подаетъ ему, а онъ, взявъ, возвращается, въ сопровожденіи сановниковъ, и шествуетъ впереди процессіи со святынею,

выносили въ крестныхъ ходахъ по случаю бездождія (de Cerem. aul. Byzantin. L. 1. c. X n. 42).

¹⁾ ἀποκροβων—свертокъ съ золотыми и серебряными монетами.

²⁾ На восточной и западной сторонѣ храма св. Софіи были устроены на случай торжественныхъ выходовъ императора въ церковь, три особыя отдѣленія или покои (cubiculi) въ видѣ полукруглыхъ возвышеній съ куполами, поддерживаемыми колоннами — 1) на западной сторонѣ, при входѣ изъ нареккса въ паосъ (или собственно храмъ), былъ триклиній, въ которомъ императоръ обыкновенно послѣ литургіи, возлежалъ за трапезою вмѣстѣ съ вельможами. Отсюда далѣе на востокъ былъ 2, митаторій (μῆτατοριον) или правильнѣе мутаторій (mutatorium), куда императоръ обыкновенно удалялся для уединенныхъ размышленій, а также—для слушанія св. Евангелія, апостола и церковныхъ ораторовъ. Еще далѣе на востокъ находилась — 3 — спальня (coeton), куда императоръ удалялся возлежать во время всенощнаго бдѣнія въ церкви. Иногда впрочемъ всѣ эти царскіе покои вмѣстѣ назывались митаторіемъ, какое названіе, по свидѣтельству анонимнаго византійскаго историка, дано было имъ еще самимъ Юстиніаномъ (de Cerem. aul. Byzant. L. 1. гл. 10. not. 45).

переходить чрезъ солею и, остановившись недалеко отъ святыхъ вратъ, даетъ свѣтильникъ препозиту, препозитъ ставитъ его на солеѣ вблизи св. вратъ. А императоръ, ставъ вблизи его, ожидаетъ тамъ, пока проходятъ со святынею, и потомъ взаимно съ патріархомъ воскланяются одинъ другому. Затѣмъ императоръ опять уходитъ въ митаторій, а когда наступаетъ время лобызанія, выходитъ и, подошедши, цѣлуется съ патріархомъ; цѣлуютъ его также митрополиты, епископы, власти церковныя и клирики. А когда становится императоръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно давались агани сановникамъ, входятъ патриціи, военачальники, domestici и первыя должностныя лица, димархи и церемоніймейстеръ, всѣ, по порядку, простираются ницъ предъ императоромъ, цѣлуютъ его и становятся въ своемъ порядкѣ и мѣстѣ по ту и другую сторону императора. Наконецъ, когда всѣ поименованные воздадутъ цѣлованіе императору, онъ самъ и патріархъ взаимно воскланяются и лобызаются. Потомъ императоръ опять уходитъ въ метаторій и, когда наступаетъ время св. причащенія, церемоніймейстеръ возвѣщаетъ препозиту, препозитъ докладываетъ императору, который выходитъ въ сопровожденіи поименованныхъ сановниковъ и, когда становится вблизи патріарха, чтобы приобщиться честнаго тѣла и крови Господа нашего І. Христа, два остіаріи держатъ развернутый доминикалій ¹⁾, и, по полученіи честныхъ даровъ въ свои руки, онъ лобызается съ патріархомъ, отходитъ въ сторону и, знаменуя себя трижды крестнымъ знаменіемъ, приобщается. Потомъ, когда онъ опять подступаетъ къ алтарю, остіаріи свертываютъ доминикалій, и онъ, причастившись, подобно священникамъ, изъ потира крови Господней отступаетъ; помолившись же, онъ съ патріархомъ взаимно воскло-

¹⁾ Dominical *δουμνικάλιον* это сударій, или платъ, въ который воспринимали и носили въ дома св. тѣло Христова для приобщенія больныхъ.

няются. Затѣмъ возвращается и входитъ въ митаторій и тамъ съ патриціями и прочими сановниками возлагаетъ за трапезою. Наконецъ, одѣтый веститорами въ свою мантію, онъ повелѣваетъ препозиту пригласить патріарха, который съ нимъ шествуетъ къ св. колодцу. И когда императоръ останавливается тамъ, казначей возглашаетъ тѣмъ, которые обыкновенно носили кошельки, полные золота. Препозитъ, взявъ ихъ изъ казнохранилельницы, даетъ императору, императоръ же вручаетъ ихъ казнохранителямъ. Когда же императоръ съ начальниками кубикуляріевъ входитъ внутрь вилы, препозитъ подаетъ патріарху корону, а патріархъ возлагаетъ ее на голову императора ¹⁾, затѣмъ подноситъ ему благословенный хлѣбъ (антидоръ), императоръ же получивъ отъ препозита апокомбій, даетъ его патріарху, который подаетъ императору благовонія ²⁾.

Возвращеніе императора отъ св. Софіи во дворецъ.

Когда императоръ коронуется патріархомъ въ обычномъ мѣстѣ св. колодца — внутри вилы, кракты провозглашаютъ 3-мъ гласомъ припѣвъ: «звѣзда предвозвѣщаетъ солнце» и пр. Когда же императоръ выходитъ и становится, кракты провозглашаютъ:

¹⁾ Патріархъ возлагалъ здѣсь корону на императора просто — въ знакъ окончанія священнодѣйствія, изъ уваженія къ которому императоръ обнажалъ свою свящ. главу. Обычай этотъ поддерживался и на западѣ: во Франціи, Англіи и Германіи и въ другихъ западныхъ странахъ архіепископы, а иногда и епископы возлагали нѣкогда на главы императоровъ и королей короны въ церкви по совершеніи миссъ Du Cang. Constan. Christian. L. III. p. 24.

²⁾ αλαμπῆς — ящичекъ съ благовоніями, который, по восточному обычаю, давали на дорогу высокимъ гостямъ (см. De Cerem. aul. Byzant. L. 1. c. XII. not. 71).

«счастливы идите, избраніе ¹⁾ Троицыно!» возглашаетъ и народъ троекратно: «счастливы идите». Благожелательныя же привѣтствія возглашаются крактами и пародомъ, какъ и въ прочихъ встрѣчахъ, выше было сказано. Конечное же привѣтствіе кракты провозглашаютъ такъ: «почтившіе славу родившагося Христа»—и народъ: «да сотворитъ Богъ многолѣтіе святости вашей».

Встрѣча вторая—внѣ желѣзныхъ воротъ ²⁾ стоитъ димархъ Прасиповъ съ димою «бѣлою» и кракты провозглашаютъ 3-мъ гласомъ припѣвъ: «небо предпосылаетъ звѣзду, путеводящую маговъ къ мѣсту рожденія, земля же предуготовляетъ пещеру для воспріятія Творца всяческихъ; Самъ же воспріявшій нашу плоть отъ Дѣвы да сохраняетъ въ порфирѣ ³⁾ ваше боговѣнчанное величество». Благожелательныя же привѣтствія возглашаются крактами и народомъ также, какъ было сказано прежде въ первой встрѣчѣ.

Третья встрѣча—внутри халки: тамъ стоитъ димократъ Венетовъ или Доместикъ сходъ и съ постороннею димою Венетовъ, и кракты провозглашаютъ апелатикъ ⁴⁾ 3 мъ гласомъ: «Дѣва

¹⁾ *πρόβλημα* въ подлинн.—тоже, что *ὁ ἐκ Θεοῦ πρόβλημα* т. е. богоизбранный, богозванный.

²⁾ Въ текст. *ἔξω τῶ θύλῳ τῆς σιδηρᾶς πύλης*. Главныя ворота, ведшія въ императорскіе дворцы, въ Византіи обыкновенно представляли видъ круглаго возвышенія (ротонды) съ куполомъ, которое носило названіе *θύλος*. Точно также была устроена и *σιδηρὰ πύλη τῆς Σοφίας* т. е. желѣзная дверь св. Софін. Это были самыя первыя съ площади ворота, открывавшія путь въ обрѣзность храма св. Софін. Кодишъ называетъ ихъ портомъ Софійскимъ (*πόρτα τῶν Σοφίων* *portus Sophiani* *Antiquit. Constant. L. III. p. 682*).

³⁾ *ἐν τῇ πορφύρᾳ*—равнозначущія выраженія: на царскомъ престолѣ.

⁴⁾ *ἀπελατικόν*—такъ назывался пѣвѣстный родъ стихирь, которыя воспѣвались подъ аккомпаниманъ военной музыки (тимпановъ,

открыла эдемскій рай въ Виолеемѣ и пр. Благожелательныя же привѣтствія возглашаются крактами и народомъ, какъ и въ первой встрѣчѣ было сказано.

Встрѣча четвертая у св. апостоловъ или въ схолахъ: тамъ стоитъ димократъ Прасиновъ или экскубиторъ и съ потустороннею димую Прасиновъ, и кракты ея провозглашаютъ 3-мъ гласомъ припѣвъ: «Исполнитель и Господь всей твари не ради тщетнаго уничиженія за насъ уничижается, но чтобы восполнить міръ вышій изъ нашего пизшаго рода; и Самъ Жизнедатель да возвыситъ рогъ вашъ, Владыки, во всей вселенной, да поработитъ Онъ всѣ народы вамъ и, какъ маги, да принесутъ дары вашему величеству!» Благожелательныя же привѣтствія возглашаются крактами и народомъ, какъ было сказано во второй встрѣчѣ.

Встрѣча пятая въ трибуналѣ или въ лихнахъ: тамъ стоитъ димократъ Венетовъ или domestikъ схолъ и съ потустороннею димую Венетовъ и кракты провозглашаютъ 3-мъ гласомъ апелатикъ: «звѣзда предшествуетъ и освѣщаетъ пещеру» и пр. Благожелательныя же привѣтствія исполняются крактами и народомъ, какъ было сказано въ первой встрѣчѣ

Далѣе, прошедши за императоромъ экскубин (триклиній экскубиторовъ), сенатъ остается въ великой консисторіи, возглашая: «на многая и благая времена»; церемоніймейстеръ же и силенціаріи останавливаются въ Оноподіѣ ¹⁾ и привѣтствуютъ импе-

тубъ и пр.) на возвратномъ пути императора во дворецъ (см. de Cerem. aul. Byzant. L. 1. c. XXIV. n. 50). И наша военная музыка (обыкновенно въ большихъ городахъ), при возвращеніи св. процессіи во храмъ, послѣ водоосвященія—въ день Богоявленія, играетъ иногда нѣчто, въ родѣ византійскаго гимна, но только не съ византійскимъ смысломъ.

¹⁾ *ὀνόπιδ* *onopodion*—это, какъ можно заключить изъ снесенія различныхъ мѣстъ «de Ceremoniis aulae Byzantinae»,—были галереи, служившія портикомъ в. консисторіи.

ратора; а патриции и стратеги, ставши въ стѣнѣ ¹⁾, также, какъ и сенатъ привѣтствуютъ императора и тамъ остаются. Когда же императоръ потомъ входитъ въ Августеонъ (Дахни), кубикуляріи стоятъ также въ формѣ буквы П и, какъ только двери Августеона готовы затвориться, тотчасъ по данному знаку, препозитъ гармоническимъ тономъ возглашаетъ по латыни: «Fit» (да будетъ), а одинъ изъ кубикуляріевъ: «Vene» (благо); прочіе же отвѣчали тоже латинскимъ языкомъ: «venias in multos annos felicissime». Затѣмъ императоръ входилъ въ палатку ²⁾, гдѣ препозитъ снималъ съ головы его корону, а веститоры—тунику его, далѣе онъ входилъ въ свое ложе, гдѣ возлегалъ. Наконецъ, вставъ и одѣвшись въ свой сагіонъ, императоръ, въ сопровожденіи ман-клавитовъ и кубикуляріевъ, входилъ въ священный дворецъ и кубикуляріи, стоя въ хризотриклиніи, возглашали: «на многая и благая времена» и всѣ потомъ расходились по домамъ ³⁾.

¹⁾ στεγὸν—такъ называлась большая овальная зала, служившая переднею Августеона.

²⁾ ὀκτάγωνον—это восьмисторонняя ротонда—съ возвышавшимся куполомъ, находившаяся предъ храмомъ св. Стефана, или точиѣ—въ самомъ нарѣикѣ или притворѣ храма. Здѣсь было особое отдѣленіе (cubiculum) для императора, гдѣ онъ обыкновенно ожидалъ надлежащаго времени передъ отправленіемъ въ церковь св. Софіи, а также облачался, для торжественныхъ выходовъ въ церковь, и разоблачался, при возвращеніи изъ церкви во дворецъ.

³⁾ Нужно замѣтить, что по этому образцу и порядку бываютъ встрѣчи и привѣтствія и въ праздникъ Богоявленія, св. Пасхи, Пятидесятницы и въ праздникъ Преображенія, какъ во время выходовъ императора къ св. Софіи, такъ и при обратномъ шествіи его во дворецъ.

Б. Привѣтствія двоихъ димъ въ праздникъ Богоявленія ¹⁾.

Первая встрѣча Венетовъ—припѣвъ гласъ 8 ²⁾: «Сокрушивый въ водахъ главы драконовъ, нынѣ по человеколюбію подклоняеть главу Предтечѣ».

¹⁾ Въ подлин. текст. ἑορτὴ τῶν φώτων—праздникъ «свѣтовъ». Такъ назывался у грековъ праздникъ Богоявленія (ἐπιθάνις) и названіе это очень древнее. Уже Григорій Назіанзинъ въ 40-й рѣчи праздникъ Крещенія Христова ясно называетъ праздникомъ (luminum) φωτῶν Curs. Complet. patr. graec. Codin. p. 337. Также именуется этотъ праздникъ и въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ ibid. p. 339. Основаніе же этого названія то, что въ Византіи въ день Богоявленія, во время великаго водоосвященія на «источникахъ», послѣ литургіи, обыкновенно стояли съ зажженными, собственно для этого праздника приготовленными, свѣтильниками (λαμπάδες въ честь крестившагося Христа, Который есть Истинный Свѣтъ (φῶς καὶ φωτισμός), и Который просвѣтилъ міръ Своимъ Евангелиемъ (ibid.).

²⁾ Въ текст. ἦχ. πλαγ. δ'—это значитъ ἦχε πλάγιος τέταρτος, но не значитъ еще: 4-й гласъ. Нужно замѣтить, что въ древне греческихъ церковныхъ напѣвахъ, которые, по словамъ свѣдущихъ въ этомъ пѣніи грековъ, и донынѣ употребляются въ Греціи, были собственно четыре основные гласа или тона, которые только различнымъ образомъ варьировались въ остальныхъ гласахъ, составляя вмѣстѣ осьмигласникъ. Такъ напр. 5-й гласъ, въ основномъ тонѣ, сходенъ съ 1-мъ, но имѣетъ и свою особую варіацію, отличающую его отъ всѣхъ прочихъ гласовъ. Онъ назывался у грековъ (какъ и донынѣ обозначается въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ πλάγιος πρῶτος или сокращ. πλαγ. α'. Шестой гласъ, по основному мотиву, сходный со вторымъ, называется πλάγιος δεύτερος или сокр. πλαγ. β'. Седьмой, сходный съ третьимъ, называется βραῦς. Наконецъ восьмой въ основныхъ нотахъ, сходный съ четвертымъ, обозначается πλάγιος τέταρτος или сокр. πλαγ. δ'.

Встрѣча вторая Прасиповъ—гласъ 8, гимнь: «Святымъ крещеніемъ Христосъ омываетъ церковь Свою, собранную изъ народовъ».

Встрѣча третья Венетовъ—гимнь 5 гласа: «Божественнымъ огнемъ во Іорданѣ истребляется пламя грѣха».

Четвертая встрѣча венетовъ—гимнь гласъ 8-й: «Собезначальный Отцу, Богъ Слово, Котораго силы небесныхъ трепещутъ созерцать, нынѣ во Іорданѣ нисходитъ креститься и рабски подклоняетъ главу Предтечѣ. Но просвѣтившій міръ Своимъ явленіемъ да возвыситъ и возвеличитъ силу вашего величества во благоденствіе и славу римлянъ».

Встрѣча пятая Прасиповъ—гласъ 8-й: «Христосъ, человеколюбія ради, покрывается струями Іордана».

Встрѣча шестая Венетовъ—гласъ 5-й: «огнемъ Божества во Іорданѣ» и пр.—Возглашеніе въ шестой встрѣчѣ кракты провозглашаютъ: «Крестившійся въ струяхъ Іордана»; возглашаетъ и народъ троекратно: «многая вамъ времена!» Кракты: «и подклонившій рабски главу Предтечѣ»; возглашаетъ и народъ троекратно: «многая вамъ времена!» Кракты: «да умножить времена вамъ съ Августами и Порфирородными!» Народъ: «да сотворитъ Богъ многолѣтіе вашего святаго величества на многая лѣта!».

Далѣе, изъ наперти церковной или нижняго портика, гдѣ обыкновенно останавливались димы и кракты и дѣлали послѣднюю встрѣчу императору,—онъ входилъ въ преддверіе наемкса и во внутрь вилы, потомъ шествовалъ въ самый храмъ, съ такими же церемоніями, какъ и въ праздникъ Рождества Христова, также останавливался у царскихъ вратъ, также проходилъ потомъ къ святымъ вратамъ и входилъ въ самый олтарь, также возлагалъ дары на св. престолъ, уходилъ оттуда въ митаторій, дѣлалъ выходъ къ перенесенію св. даровъ, совершалъ лобызаніе, точно также пріобщался св. таинъ и наконецъ выходилъ изъ храма по окончаніи всего священнодѣйствія.

Относительно же церемоній, бывшихъ при великомъ водоосвященіи, которое обыкновенно совершалось послѣ литургіи на источникахъ водныхъ у храма св. Софіи, Константинь Багрянородный, при описаніи царскихъ выходовъ въ этотъ праздникъ, ничего не говоритъ, вѣроятно потому, что эти церемоніи какъ и самое водоосвященіе отправлялись, точно также какъ и наканунѣ праздника, въ одной изъ придворныхъ церквей—въ храмѣ св. Стефана.—Въ этомъ убѣждаетъ насъ Кудинъ, который, какъ особенность церемоніи водоосвященія въ этотъ праздникъ, выставляетъ только то, что патріархъ давалъ императору большую свѣчу, а сановникамъ, сопровождавшимъ его, давались свѣчи меньшія, смотря по ихъ чиновному достоинству; и еще прибавляетъ, что, за отсутствіемъ патріарха, это водоосвященіе совершалъ придворный протопресвитеръ (*протоπαπᾱς*). (Corp. script. hist. Cod. p. 64—65).

И дѣйствительно, кромѣ этого особенно замѣчательныхъ церемоній, при совершеніи водоосвященія, не было. Константинь Багрянородный говоритъ только, (при описаніи водоосвященія на канунѣ праздника), что императоръ, во время чтенія патріархомъ великой молитвы ко освященію воды, стоялъ обыкновенно со свѣтильникомъ за купелью крещенія; возлѣ него стояли евнухи—протоспатаріи, а за нимъ кубикуляріи, патриціи, стратеги и domestici,—все въ бѣлыхъ одеждахъ и со свѣчами. По окончаніи молитвы, императоръ отдавалъ кириіи препозиту, а этотъ—священникамъ. Патріархъ же, взявъ агіазмы въ чашу, возливалъ на руки царя, а царь, омывъ ею руки, обливалъ главу и лице, и потомъ, если хотѣлъ, пилъ изъ чаши. Послѣ этого, взаимно восклонившись съ патріархомъ, онъ уходилъ въ свою палатку и тамъ ожидалъ, пока патріархъ окроплялъ благословенною водою свиту, именно: патриціевъ, кубикуляріевъ, стратеговъ и domesticовъ. Послѣ же этого, препозитъ докладывалъ императору; императоръ давалъ ему знакъ, чтобы онъ пригласилъ

силъ патріарха въ церковь; царь и патріархъ затѣмъ сходились на возвышеніи съ куполомъ, поддерживаемымъ восьмью колѣнами: патріархъ подносилъ императору благословенный хлѣбъ (ἐὐλογίαι), а императоръ, взявъ у пренозита апокомбій, давалъ патріарху. Наконецъ, они взаимно восклоняются, лобызаются и расходятся: императоръ возвращается во дворецъ, а патріархъ къ церкви великой.

Возвращеніе императора изъ церкви во дворецъ въ тотъ-же праздникъ.

Встрѣча первая, Венетовъ, апелатикъ гласъ 5-й: «Собезначальный Отцу Богъ Слово» и пр.

Встрѣча вторая, Прасиновъ, апелатикъ гласъ 3-й: «Крестящій ¹⁾ св. Духомъ, крестился наземною водою и свѣтъ крещенія даровалъ людямъ; но совершившій сіе, по человеколюбію, Христосъ опредѣляетъ: да благоденствуетъ власть вашего величества и да царить она надъ римлянами во все продолженіе временъ» ²⁾.

Встрѣча третья, Венетовъ, апелатикъ гласъ 5-й: «О благодѣтели! Сокрушивый въ струяхъ Іордана главы драконовъ, да сокрушить же предъ ногами вашими и главы варваровъ. О боговѣнчаные благодѣтели! да возвеличить побѣды ваши Трисвятая Троица; да возвеличить ихъ Тотъ, Который крестился, насъ ради, по плоти и освятилъ естество водъ».

Встрѣча четвертая, Прасиновъ, апелатикъ гласъ 4-й: «Кре-

¹⁾ Въ подлин. текст. φωτίζων (просвѣщающій); по новогреч. φωτίζειν часто употребляется и вмѣсто βαπτίζειν baptisare крестить.

²⁾ κατὰ σειράν ἀδιάδοχον въ текст. Словомъ σειρά у грековъ обозначается вообще—продолженіе одного какого нибудь рода, сохраняющагося, въ преемственной смѣнѣ поколѣній, чрезъ цѣлые вѣка. И выраженіе σειρά ἀδιάδοχος собственно значить безсмѣнную или никогда не прекращающуюся послѣдовательность поколѣній (γένεσις) одного рода.

стившійся нынѣ рукою Предтечи предуказываетъ ¹⁾ васъ, императоры, боговѣнчанные благодѣи, своею маающею рукою и показываетъ васъ помазанныковъ (χριστοὺς) всей вселенной; освятившій бо крещеніемъ величество ваше крещаетъ елеемъ непорочности, даруя римлянамъ спасеніе, величайшую помощь и славу имперіи».

Встрѣча пятая, Венетовъ, апелатикъ гласъ 8-й: «Свѣтъ явился вещественно—во плоти, дабы мы, содѣлавшись свѣтомъ, приобрѣнили Божественному свѣту; дабы мы, исполняясь водою и усовершаясь духомъ, сближались съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ возвышались; дабы мы всѣ, познавъ силу таинства, запечатлѣлись таинственно и, какъ возрожденные, восприняли второго, а не перваго Адама». Благожелательныя же привѣтствія возглашаются краками и народомъ, какъ и въ прочихъ встрѣчахъ. А конечное привѣтствіе кракты провозглашаютъ такъ: «почтившіе славу явившагося Христа»—народъ: «да сохранить Богъ ваше святое величество на многая лѣта»!

Далѣе, императоръ, перешедши черезъ эксубіи, консисторіи и стеноны (στένον), входилъ въ Августеонъ и кубикюларіи. по обычаю, встрѣчали его въ палаткѣ (σκηναίον); препозитъ снималъ съ головы императора корону, а веститоры—туніку его. Послѣ этого онъ уходилъ въ столовую (18' ἀκοῦβίτα—19 ложъ) и тамъ возлежалъ за трапезою, а за тѣмъ, сопровождаемый манклавитами и кубикюларіями, онъ входилъ во дворецъ и всѣ кубикюларіи, ставши въ хризотриглинѣ, возглашали, какъ и въ праздникъ Р. Христова: «на многая и благая времена»!

¹⁾ *κηρύττει παλάμη* въ текст. собств. знач. проповѣдуетъ рукою. Ясно, что здѣсь не въ этомъ собственномъ значеніи слѣдуетъ понимать эти слова. Выраженіе: *φρικτῇ παλάμη κηρύττει* указываетъ на обыкновенный моментъ призванія кивающею рукою, или-же точнѣе: предуказыванія такимъ образомъ.

Съ такою то величавою торжественностію, по правиламъ придворнаго этикета, совершались выходы византійскихъ императоровъ изъ дворца въ церковь св. Софіи въ праздникъ Рождества Христова и Богоявленія. Такъ многознаменательны, такъ полны глубокаго теологическаго смысла тѣ актологіи, которыя исполнялись въ честь ихъ, во время этихъ выходовъ, отъ лица всей византійской націи.

Весь этотъ церемоніаль представляетъ рядъ живыхъ картинъ, выражающихъ въ своей совокупности одну возвышенную идею—идею одной неограниченной, священной, государственно-церковной власти императора, какъ представителя на землѣ Бога и Христа. Подъ вліяніемъ такой идеи, византійскіе императоры являются страстными ревнителями своей власти,—и чѣмъ слабѣе становится имперія, а затѣмъ и дѣйствительная сила этой власти среди царствъ и народовъ, тѣмъ болѣе носители ея ревнуютъ о внутреннемъ полноправіи ея не только надъ государствомъ, но и церковію, съ яснымъ притязаніемъ на главенство въ послѣдней ¹⁾. «Для византійскихъ царей, говоритъ Никита Хоніатъ, рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ.... Они считаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не признаютъ людьми подобными богамъ, богумудрыми, боговдохновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ; однимъ словомъ—непогрѣшимыми судьями дѣлъ божескихъ и человѣческихъ».

¹⁾ Въ духѣ Льва III Исаврянна, когорый вздумалъ объявить себя главою духовенства (Le Beau, XIII, 326—328), дѣйствовали почти всѣ его преемники изъ исаврійской и македонской династіи, а еще рѣшительнѣе кажутся дѣйствія императоровъ изъ фамиліи Комниеновъ. Цѣлый рядъ интересныхъ фактовъ, подтверждающихъ это см. Le Beau, XVII, 182—183, 340—349, а также и у Никиты Хоніата, Царств. Комн. кн. VII. ч. V. VI; и кн. III, гл. 3. Иоан. Каннама, Царств. Иоан. и Мануил. Комн., Никиф. Григоры: Римск. истор. кн. XI, гл. 10.

Они сами бываютъ въ одно и тоже время и провозвѣстниками догматовъ, и ихъ судьями и установителями, а наконецъ и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается.

Всматриваясь въ черты того величественнаго образа царя, въ какомъ онъ являлся во время торжественно-праздничныхъ выходовъ, мы видимъ предъ собою не царя только, но вмѣстѣ какъ-бы и первосвященника. Ему предносятся крестъ и свѣтильникъ; въ рукахъ у него крестъ и свитокъ, на подобіе священнаго евангельскаго свитка; облаченія на немъ, близко подходящія къ священной одеждѣ первосвященника; онъ осѣняетъ даже крестнымъ знаменіемъ подобно благословляющему архіерею; совершаетъ торжественное шествіе черезъ дворецъ, расположеніе котораго, какъ показываютъ археологическія изслѣдованія Жюли Лабарта, вполнѣ соотвѣтствовало расположенію самаго храма; при этомъ онъ натраждаетъ сановниковъ двора извѣстными достоинствами, съ соблюденіемъ такихъ церемоній, которыя живо напоминаютъ намъ нѣкоторые обряды, совершавшіеся въ церкви, при возведеніи въ священно-церковный санъ. Въ церкви же, во время самой божественной литургіи, онъ возноситъ дары на свящ. престолъ; во время пріобщенія св. таинъ, тѣло Христово беретъ онъ сперва въ свои руки, а кровь Христову воспринимаетъ прямо изъ чаши, подобно священнодѣйствующему; во время водоосвященія въ праздникъ Богоявленія, онъ, во образъ крестившагося отъ Іоанна Христа, обливается отъ патріарха агіазмою. Даже сопровождавшіе императора, во время этихъ выходовъ, являются въ одеждахъ, которыя близко подходили къ священническимъ и діаконскимъ облаченіямъ. Такъ нѣкоторые изъ членовъ свиты были одѣты въ мантии, по виду совершенно сходныя съ фелонью, и скуфы или камилавки; а другіе были въ стихаріяхъ, съ перевязанною накрестъ черезъ грудь и спину повязью — въ родѣ орарія.

Наконецъ поздравительныя привѣтствія и припѣвы, поемые въ честь императора, притомъ на голосъ церковныхъ напѣвовъ, —

это почти настоящие церковные стихи и стихиры, изображающие самого Христа. При этомъ замѣчательно, что каждая стихира или припѣвъ, выражая известную мысль—о Христѣ Спасителѣ, замѣтно была приспособляема къ известному акту царскаго шествія и къ известнымъ положеніямъ самого императора, во время этого праздничнаго шествія, въ которомъ хотѣли какъ-бы отобразить пришествіе на землю Царя Христа и Спасителя міра. Въ самыхъ же припѣвахъ императоръ величается служителемъ Божиимъ, въ смыслѣ священномъ, величество его—святимъ и онъ прямо называется Христомъ (помазанныкомъ).

Такъ въ типѣ византійскихъ царей, во время ихъ торжественно-праздничныхъ выходовъ, намъ живо представляется цѣльный, величественный, единственный во всемъ христіанскомъ мірѣ, образъ царя—первосвященника. Въ патріархѣ же видѣнъ только первый изъ духовныхъ сановниковъ, являющійся при этихъ выходахъ, какъ-бы, въ роли духовно-церковнаго церемоніймейстера—препозита ¹⁾, возлагающаго на священную главу императора стемму или вѣнецъ, подносящаго ему благословенный хлѣбъ ²⁾,

¹⁾ Въ объясненіе этого намъ нужно замѣтить, что еще по узаконеніямъ Юстиніана власть константинопольскаго патріарха была ограничена, между прочимъ, и самодержавною властію императоровъ (Justin. Novel. III. Basilic. I. III. tit. 2). А помоканонъ опредѣленно уже ставитъ патріарха въ подчиненное положеніе къ императору (см. у Калачева—о Кормчей. 96. 27). Такое отношеніе духовно-церковной власти, въ лицѣ патріарха, къ свѣтско-гражданской, въ лицѣ императора въ Византіи (особенно въ послѣдній періодъ ея существованія), дало поводъ англійскому историку Византіи Финлею (Finlay) выразиться, что греческая церковь была рабскимъ орудіемъ расширившейся до чрезмѣрныхъ размѣровъ императорской власти. См. History of the Byzantine and Greek empires (II, 67, 68). Выраженіе, конечно, слишкомъ рѣзкое.

²⁾ ἐὐλογίᾳ это не благословеніе рукою, въ которомъ обнаруживается преимущество власти благословляющаго предъ благословляемымъ, и которое такъ часто, при всякомъ случаѣ, давали древнерусскимъ царямъ наши патріархи, а—benedictus panis.

возливающего, во образъ Предтечи, свящ. воду на главу, лице и руки императора, изображающаго самаго Христа—во Иорданѣ.

Пѣтъ сомнѣнія, что на развитіе такого идеала абсолютной священно-мірской власти въ лицѣ царя въ Византіи не мало повлияли преданія азіатскаго теократизма и римскаго имперіализма, въ духѣ которыхъ государей называли богами, сынами Божиими, верховными жрецами и под., словомъ —боготворили ихъ.

Христіанство отрицало такой языческій идеалъ или характеръ царской власти: но въ его ученіи о божественномъ происхожденіи этой власти богословско-политическая мудрость Византіи находила основаніе, и не боготворя этой власти, дать ей высшее освященіе и съ тѣмъ вмѣстѣ ту совершеннѣйшую полноту, по которой византійскій автократоръ сосредоточивалъ въ себѣ всю власть надъ государствомъ и церковью, въ качествѣ намѣстника Царя—Христа. Въ параллель съ этимъ западъ, или точнѣе Римъ, развилъ для себя идеалъ первосвященническаго или папскаго абсолютизма, воплотившагося въ лицѣ папы—царя.

Византійская идея царской власти съ христіанствомъ принесена была и въ древнюю Русь. На новой почвѣ, среди новаго, своимъ путемъ развившагося общества, она не могла привиться скоро и во всей полнотѣ. Даже и потомъ, утвердившись въ Москвѣ, а чрезъ нее и въ Россіи, она сложилась не въ чисто византійскомъ духѣ, представляя извѣстныя своеобразныя черты, болѣе отвѣчающія общественному духу русскаго народа. Тоже должно сказать и о власти патріаршей. Указанное различіе проявлялось и въ обстановкѣ богомольныхъ выходовъ древнихъ царей нашихъ; возникши подъ вліяніемъ Византіи, выходы эти замѣтно однако отличались отъ византійскихъ, представляя извѣстныя своеобразныя черты. Разъясненіе сходства и различія тѣхъ и другихъ выходовъ на этотъ разъ не входитъ въ предметъ нашего изслѣдованія.

Т. Каневскій.